

КТО ВЫ ТЕПЕРЬ, ПОСЛЕДНИЕ ПЕРВЫЕ - ПЕРВЫЕ ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ?

(по материалам опроса бывших первых секретарей
райкомов КПСС г. Москвы)

Т.Б.Коваль

Новый этап российской истории, начавшись осенью 1991 года с победой над ГКЧП и развалом Союза, показал, что пришедшая к власти ельцинская команда не столько созидает принципиально новую систему государственности, сколько реорганизует старую власть. "Если раньше разрушение старого было для реформаторов лишь моментом в созидании нового государства, то на этот раз скорее наоборот - созидание нового российского государства стало моментом в процессе распада старого государственного уклада" (1). А потому прежние властные структуры и люди как могли приспособивались к новой обстановке. КПСС уже не было, но остались связи, а с ними и возможности вписаться в новую жизнь. Так или иначе, но старая элита не ушла с политической сцены, но активно включилась в борьбу за власть. В целом можно сказать, что относительно мирный и эволюционный характер перехода к новой социально-политической системе сопровождался сохранением значительной части старой элиты своих властных полномочий и привилегированного положения в обществе. Она частично вошла в состав новой правящей элиты, сумела занять ведущие позиции, сменив свой внешний имидж, отбросив "старый хлам" уже не нужных лозунгов и идей. Некоторые представители бывшей номенклатуры, ориентированные не столько на политическое лидерство, сколько на свое реальное экономическое благосостояние, заняли ведущее положение в новых рыночных структурах, став крупными предпринимателями и банкирами. Как сложилась судьба бывших первых секретарей райкомов партии Москвы, - тех, которые оказались последними первыми секретарями в истории КПСС и советского государства? Сумели ли они "вписаться" в новую жизнь? Оказались ли они вновь на первых позициях или стали "последними", выброшенными за борт жизни? Пришлось ли им "ломать" себя или приспособление к новым реалиям идет безболезненно? Как оценивают они сами изменения в обществе и своей судьбе? Для выяснения этих вопросов было разработано и проведено углубленное полустандартизованное интервью с бывшими первыми секретарями райкомов партии Москвы, занимавшими эти посты в последние годы существования КПСС.

В формализованном интервью разброс мнений и позиций, как правило, сглаживается заранее заданной схемой ответов. В ходе же углубленного интервью, а тем более интервью с высококвалифицированным и компетентным респондентом, важно быть готовым изменить прежний ракурс видения проблемы и в любой момент выйти за ее пределы схемы. Поэтому мы не стремились "зажать" себя определенными жесткими рамками предварительных гипотез. Респондент выступал в роли "учителя" жизни, свободно излагая свои взгляды. Это делало информацию более "объемной" и интересной, хотя и обработать такого рода информацию было, конечно, более трудно.

Интервью состояло из трех блоков вопросов: 1 блок — "Статусные характеристики и социально — профессиональная мобильность, основные вехи жизненного пути". Этот блок состоял из вопросов, касающихся истории жизни, профессионального опыта, взлетов и падений в карьере. 2 блок — "Политические ориентации и взгляды" был призван выявить политические предпочтения и оценки по ряду ключевых вопросов внутриполитической ситуации. 3 блок — "Социальные ориентации и структура ценностей" был направлен на то, чтобы попытаться сконструировать социальный — психологический портрет респондента.

Такая структура интервью себя оправдала. Ответы на вопросы первого блока выливались, как правило, в связный, развернутый рассказ о себе, во время которого респондент раскрепощался, чувствовал себя уверенно. Такое начало — его рассказ о себе, о своей семье, работе — позволяло построить вторую часть интервью второй и третий блок, — в форме более жесткой беседы по типу "вопрос" — "ответ". Вместе с тем, мы позволяли себе менять порядок вопросов внутри блоков и между ними, исходя из конкретной ситуации интервью.

Ответы на вопросы первого блока занимали примерно половину всего времени интервью. Продолжительность интервью варьировала от 50 минут до 4 часов и составила в среднем около 90 минут.

Всего было опрошено 17 человек, из них 14 бывших первых секретарей, занимавших эти посты в последние годы существования партии и 3 председателей райсоветов.

Три интервью с председателями райсоветов мы не включаем в данное исследование по целому ряду соображений. И в частности потому, что они не представляют особого интереса из-за чрезвычайной зажатости респондентов, предпочитавших давать односложные ответы по типу "да" — "нет". В отличие от этих председателей райсоветов, не прошедших партийной "школы", бывшие первые секретари отличались раскованностью, открытостью, уверенностью. Они не боялись высказывать свои взгляды и свободно рассуждать на предложенные темы.

Изначально мы планировали опросить всех бывших первых секретарей райкомов Москвы, то есть все тринадцать человек. Однако реально добиться встречи нам удалось только с половиной из них. От остальных, за исключением тех, кто был болен или совсем исчез из пределов досягаемости, мы получили отказы. Есть основания полагать, что встречаться с нами не захотели именно те, кто сейчас связан с крупным бизнесом. Их нежелание лишней раз "светиться" вполне можно понять. Поэтому нам придется ограничиться материалом 14 интервью, который мы и предлагаем как основу данной главы. Вот список наших респондентов:

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

1. Брячихин Алексей Михеевич (Севастопольский РК)
2. Ильин Юрий Владимирович (Зеленоградский РК)
3. Бедрин Николай Павлович (Ленинградский РК)
4. Кислова Нонна Евгеньевна (Свердловской РК)
5. Сеньков Владимир Николаевич (Ленинский РК)
6. Шанцев Валерий Павлович (Перовский РК)
7. Потапов Сергей Александрович (Волгоградский РК)
8. Кисько Александр Борисович (Сокольнический РК)
9. Пантелеев Евгений Алексеевич (Куйбышевский РК)
- Ю.Мартынов Андрей Владимирович (Люблинский РК)
- П.Колесов Виктор Львович (Хорошовский, бывш. Ворошиловский РК)
- 12.Кутняков Геннадий Иванович (Фрунзенский РК)
- 13.Варгазарова Людмила Степановна (Октябрьский РК)
- 14.Жукова Римма Васильевна (Ждановский РК)

1. Кто, где, когда?

а) Место и год рождения. Происхождение. Образование.

В последний набор первых секретарей районных комитетов партии вошли люди разных возрастов — как представители "старшего", поколения, родившиеся до Великой Отечественной Войны, в 30-х и начале 40-х годов, так и "молодежь", увидевшая свет в конце 40-х — 50-х годах. Из наших респондентов шесть человек принадлежат довоенному поколению и восемь — послевоенному. Самый старший из бывших первых — Н.П.Бедрин (1932 г.р.), самые молодые — А.В.Мартынов (1950 г.р.); С.А.Потапов (1951 г.р.); Ю.В.Ильин (1953 г.р.).

Несмотря на то, что менее половины опрошенных родились в крупных городах, (из них всего лишь трое в Москве), а большая часть родилась и провела детство в маленьких городках и поселках центральной России Горьковской, Костромской, Брянской и др. областей, — "рабоче-крестьянским" происхождением гордятся могут лишь единицы. В основном бывшие первые происходили из семей служащих, инженеров, военных, то есть того среднего слоя, который в Советскую эпоху отличался уважением к культуре и образованию. Не случайно поэтому абсолютно все бывшие первые имеют высшее образование, причем в подавляющем большинстве случаев высшее техническое (МИФИ, Химический Институт им.Губкина МИНХ, МВТУ им. Баумана, Экономико-статистический Институт, Гидротехнический Институт, МИРЭА и т.д.) Высшее юридическое образования имеет лишь одна из женщин — Н.Е.Кислова, закончившая юридически факультет Владивостокского Университета и двухлетнее очное отделение ВПШ, что сразу же определило "идеологический" профиль ее партийной работы.

Обращает на себя внимание то, что в подавляющем большинстве случаев бывшие первые секретари получали высшее образование в самых лучших, если не сказать элитарных, Институтах страны. Образно говоря, наших "Оксфордах" и "Гарвардах".

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

Кроме того, зачастую кроме высшего технического образования они получали еще и высшее "политическое". И многие из секретарей закончили впоследствии ВПШ или АОН при ЦК КПСС.

Таким образом, мы видим людей с одной стороны образованных, ценящих интеллект, ориентированных на науку и культуру, а с другой — не оторванных от жизни, но, напротив, знающих жизнь, нужды и потребности простых людей и не противопоставляющих себя этим людям. Мы не даем этому какую-либо нравственную оценку, но просто не можем не констатировать факт.

б) карьера

Итак, получив высшее образование, как правило техническое, эти люди оказывались либо в НИИ, занимаясь "чистой" наукой, либо (и чаще всего) в НИИ, связанных с производством, либо на производстве в качестве ведущих инженеров. Подавляющее большинство из опрошенных нами бывших первых работала после окончания Института в научно-исследовательских Институтах и научно — производственных объединениях, как например, Институт энергостроя Министерства энергетики, Институт авиационных технологий, НИИ экономики авиапромышленности, НИИ металловедения, НИИ Министерства среднего машиностроения, тракторный Институт и др. У них были все возможности "состояться" в науке. Не случайно около половины из наших респондентов либо писали диссертации, но по тем или иным причинам их не защитили, либо не только написали и защитили кандидатские, но готовили и защитили (или думают защитить в ближайшем времени) докторские (Л.С.Вартазарова и А.М.Брячихин). В целом, как правило, их научная или научно — производственная карьера складывалась вполне удачно.

Вместе с тем, "видовой" чертой всех бывших первых было то, что они всегда имели непреодолимую склонность к общественной работе, обусловленную во многом их природной активностью, энергичностью, желанием быть во всем и всегда лидером. Естественно, что такой молодой, энергичный, любящий общественную работу человек оказывался комсомольским вожаком в своем Институте или на предприятии. Если он рано вступал в партию, то его склонности к общественной работе находили свое выражение в работе парторганизации Института или предприятия. Но так или иначе все бывшие первые секретари райкомов имели первоначальный опыт работы в комсомольской или партийной организации своего Института или предприятия, как и опыт комсомольской работы еще в период своего обучения в ВУЗах. Здесь на них "обращали внимание" товарищи из райкомов комсомола или райкомов партии, от которых поступало предложение перейти на работу к ним в райком. И, таким образом, более половины бывших первых секретарей райкомов "приглашались" на комсомольскую работу в райкомы или крайкомы комсомола хорошо проявив себя в качестве комсомольских (реже партийных) вожаков низовых ячеек. Как правило, это предложение принималось. Зачастую они последовательно проходили многие ступени комсомольской карьеры — от секретаря факультета до секретаря крайкома (Н.Е.Кислова), зав. орг. отдела ВЛКСМ Московской области (А.М.Брячихин), первого секретаря райкома комсомола (Е.А.Пантелеев и С.А.Потапов, Р.В.Жукова). Именно там их "замечали" и

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

забирали на работу в уже партийные органы. Так было с десятью опрошенными.

Но могло быть и несколько иначе. Путь в райком партии мог начинаться непосредственно с предприятия или НИИ, минуя комсомольскую стадию. Человек приходил в НИИ или на предприятие, вступал в партию, становился одним из партийных активистов, секретарем парткома этой организации, зачастую сочетая эту работу с работой на одной из ведущих должностей на предприятии или НИИ.

На определенном этапе, когда товарищи из райкома КПСС, к которому относились этот Институт или предприятие, решали, что этот человек им подходит, они приглашали его на работу в свой райком. Как правило такое предложение, связанное с переходом на сугубо партийную работу, вызывало некий внутренний конфликт. Расставались со своими Институтами и предприятиями бывшие первые весьма болезненно. Ведь даже когда приходилось заниматься партийной работой в ущерб производственным или научным задачам в собственных НИИ и предприятиях, бывшие первые секретари воспринимали это без особого восторга: "Я всегда отделял общественную работу от производственной. И когда выбор происходил, меня больше производственные задачи привлекали. А в общественной работе — много рутины, и не всегда был виден реальный результат. Когда меня избрали секретарем парткома, я очень переживал, от такого живого дела уходил. Но радовало, что остался на заводе. Ведь секретарь парткома завода — здесь у дела все же находишься, с конкретными людьми работаешь и нет той бюрократии, которая потом, нет еще тех хитросплетений. Здесь еще все открыто. Здесь еще человеку, который воспитывался на заводе, в рабочем коллективе, легко. А выше — там уже смотри, оглядывайся, что говоришь" — вспоминал Н.П.Бедрин, один из представителей "старшего" поколения. Впоследствии для него расставание с заводом было "действительно страданием".

Как "жуткую трагедию" вспоминал переход на партийную работу Г.И.Кутняков. Тринадцать лет он проработал в тракторном Институте. Начинал инженером, а потом, когда ему едва исполнилось тридцать два, стал завлабом. Готовил диссертацию и был увлечен научной работой. В Институте он был избран секретарем парткома. С этой должности его и назначили инструктором в РК КПСС. "Приглашает меня первый секретарь РК и говорит: "Будешь зав. промышленного отдела РК." Для меня это была жуткая трагедия. Я 13 лет проработал в Институте, и мне казалось, что уже складывается какая-то линия жизни. И вот она рушится."

Расставание с привычным образом жизни в НИИ или на предприятии и переход на комсомольскую и партийную работу не был простым. Даже для представителей молодого поколения, прошедших Комсомольскую "школу". Ведь, как правило, они за короткий срок успевали раскрыть свои таланты и способности в НИИ и научно — производственных центрах. И потому уже в молодом возрасте занимали там ключевые позиции и принимали решения. Именно самостоятельность, привычка быть "хозяином" дела становились для них высшими ценностями в жизни. Не случайно пи своей карьере они видели не в том, что стали первыми секретарями, а том, что были "хозяевами" своего дела в НИИ, в научно — производственных центрах и на предприятиях.

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

Так, по словам Е.А.Пантелеева, ставшего генеральным директором в 35 лет, "Пик моей карьеры был тогда, когда я был генеральным директором крупнейшего химического предприятия в Москве".

В 25 лет был замом главного экономиста огромного комбината железобетонных конструкций С.А.Потапов, также с огромным сожалением расстававшийся с производством.

Однако для многих переход на партийную работу вызывал только положительные эмоции. У В.Л.Колесова в НИИ Министерства среднего машиностроения "были изобретения, была наполовину готова диссертация". Но когда поступило предложение стать инструктором орготдела Ворошиловского РК КПСС, он не стал отказываться, так как "это тогда было высокой честью и первое ощущение было достаточно престижное". Р.В.Жукова, когда ее выбирали секретарем райкома комсомола "очень долго колебалась, потому что работа в институте была интересная, и я никогда не готовила себя к общественной работе. Изменить образ жизни было весьма трудно. Как ни странно, мой руководитель проекта, человек не русской национальности, а еврейской, сказал: "Что вы думаете? У нас же партия правящая, если вам предложили, то вас ждет хорошее будущее." Мне было просто интересно — смогу я или нет. Ну и получилось. Прошла большую интересную школу жизни. И до сих пор поддерживая связь с ядром райкома комсомола".

Для Л.С.Вартазаровой, представляющей собой совершенно иной, нежели Р.В.Жукова, тип личности, начало партийной карьеры также было связано с желанием попробовать себя в другом деле. И это несмотря на то, что она сделала блестящую научную карьеру, защитила кандидатскую и докторскую, приобрела вес и известность в научных кругах, занимала одну из престижных должностей в Академии Наук, где руководила одним из Научных советов. "Наверное, надоедает на одном месте работать, и мне нужна смена деятельности. Но это скорее подсознательно".

Кроме того, переход на партийную работу был привлекательным для нее еще по одной причине: "Мы бились с одной энергетической программой. Я довольно часто, — поскольку надо было часто докладывать и защищать какие-то ее разделы, бывала в социально — экономическом отделе ЦК. И меня все время убивало то, что, ну, честное слово, умные, хорошие разработки никуда дальше не шли. Вот ты как в стенку. Уткнулся и все. И такое впечатление, что ты просто через нее уже и не пробьешься. Или как в черную дыру — куда-то все пропало, и никакой обратной связи. Никакого отклика. Писал ты или не писал, то есть ты пишешь одно, а делают часто совершенно что-то другое. Но в силу наверное особенностей характера, я всегда старалась найти — ну на какой стадии все это спотыкается и в какую точку нужно оказывать воздействие, для того чтобы про — грамма реализовалась? Ну можно написать кучу умных отчетов, ты сам себе нравишься, тебя похвалили на Ученом Совете, опубликовали книжку или статью, и тебе это приносит моральное удовлетворение. Это тоже нормально. Но, видимо иногда этого недостаточно. Я бы хотела чтобы все эти научные разработки как-то более реализовались в жизни. Это важнее, чем просто известность в научных кругах."

Примерно также обосновывал свой выбор в пользу Комсомольско-партийной карьеры и уход из науки А.В.Мартынов: "потребность в этих специалистах (речь идет о инженерах по ядерным реакторам — Т.К.) крайне мала, а что-то повторять, переделывать — неинтересно". Комсомольская и

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

партийная работа, напротив, открывала возможности сразу же проявить себя, реализоваться в "своем" деле, быть в нем первопроходцем.

С желанием реализовать свои идеи связывал переход на партийную работу и В.П.Шанцев. Уходя из своего оборонного предприятия он подумал: "А почему мне работать на одном предприятии, когда 33 предприятия будут, если соглашусь возглавить группу промышленности в райкоме партии, стать там инструктором". С течением времени "охват" предприятий становился больше, и в 1980 В.П.Шанцев стал инструктором по промышленности уже в МГК. Там он действительно мог "охватить" сотни предприятий.

Итак, новый этап жизни начинался либо с комсомольской работы, и тогда партийная работа воспринималась как логическое продолжение комсомольской, либо с приглашения работать инструктором или иногда сразу зам. зав. отдела в райкоме партии. Первую ступень в качестве инструктора райкома партии прошли практически все бывшие первые.

Инструктор партии начинал набирать опыт и дорастал до зам. зав. отдела и зав. отдела райкома. Затем он мог стать третьим и потом вторым секретарем райкома. Но для того, чтобы стать первым, было необходимо пройти еще одну очень важную ступень — поработать в МГК. Работали там как правило 5 — 6 лет. Через МГК прошли подавляющее большинство бывших первых секретарей райкомов партии г.Москвы. "Не меньше половины первых секретарей, — по признанию А.В.Мартынова, — прошли через орготдел МГК. Зав. орг.отдела был в моей жизни сначала Прокофьев, а потом Скитев, которого называли "Палач", потому что он участвовал в смене первых секретарей под Б.Н.Ельцина в 1986 году".

При этом один из секретарей — Н.П.Бедрин — предпочел в 1990 году, уже после работы первым секретарем Ленинградского райкома КПСС, вернуться в МГК обратно.

Как правило в МГК начинали инструктором, консультантом. Затем поднимались до зам. зав. отдела или зав.отдела. С этих должностей они назначались на должности первых секретарей райкомов Москвы. (Лишь немногие молодые не прошли школу МГК, как, например, бывший первый секретарь Зеленоградского райкома КПСС "технократ" Ю.В.Ильин, бывший научный сотрудник НИИ металловедения 1953 года рождения, работавший некоторое время советником у С.Ю.Глазьева, естественно, до того как тот стал в 1992 г. первым зам.министра внешних экономических связей РФ, а с декабря 1992 — министром внешних связей РФ.)

О работе в МГК почти все сохранили хорошие воспоминания, переходящие иногда в некоторую ностальгию. И тем не менее назначение первыми секретарями райкома и начало новой самостоятельной жизни в роли "хозяина" района почти все считают пиком совершенной карьеры. (Хотя большинство полагают, что настоящий "пик" еще впереди, хотя и в другой, естественно, сфере деятельности).

Конечно, в "классическом" советском варианте партийная карьера не делалась за год — другой. Нужны были годы и годы, чтобы постепенно подниматься по служебной лестнице, накапливая жизненный опыт, умение налаживать связи и сохранять достигнутые позиции, совершенствуя профессиональные навыки управленца, а вместе с тем и способность быстро и хорошо ориентироваться.. С этим постепенным и требующим терпения путем роста формировалась некая основательность характера, внутренняя устойчивость, а с этим и относительная независимость от внешних обстоятельств, решительность и смелость. Человек становился "тертым кала-

чом", знающим себе цену, умеющим, как выразился один из наших респондентов "активно себя защитить". А потому он и не особенно боялся "слететь" — связи были налажены и страха упасть глубоко особенно не было.

С перестройкой такая долгая "классическая" карьера начала уступать место карьере нового типа. Волевым решением сверху, решением, казавшимся многим подобным иррациональной воле "высших сил" партии и правительства, человек молниеносно "выдергивался" из привычной обстановки и получал императив начать новую жизнь в райкоме. Такого человека старые опытные кадры, проделавшие "классическую" карьеру, встречали, конечно, без особого восторга. Такой человек был и оставался для них, как правило, "чужаком", "выскачкой", которому невеста за что перепало. Враждебность тех, кто проделал "классическую" карьеру к "выскачкам" была, да и остается одним из живых ощущений в памяти и тех и других.

Чтобы лучше понять новый, рожденной перестройкой, тип партийной карьеры, — назовем его "молниеносным", — вспомним общую обстановку в партии в "эру Горбачева".

Как на самом высшем уровне партийного руководства, так и на уровне секретарей обкомов и райкомов, или, как называл их Михаил Сергеевич, — "удельных князей", в 1885—1991 г. происходило массовое обновление и омоложение кадров. После двух десятилетий брежневской эпохи, отличавшейся непоколебимой стабильностью и старением партийных кадров, за пять перестроечных лет партия испытала радикальную "чистку". Изменения начались сначала в составе Политбюро и проходили поэтапно. Новая горбачевская команда набирала силу постепенно. Она шаг за шагом оттесняла старых, укоренившихся с брежневской эпохи деятелей. Наиболее консервативно настроенные руководители отстранялись от государственных должностей и лишались своих должностей в Политбюро. Этот процесс стал более интенсивным к 1987 году. (Романов ушел в июле 1985 г., Тихонов в октябре 1985 г., Алиев в октябре 1987 г., Громыко, Соломенцев, Долгих в сентябре 1988 г.)

Замена кадров в Центральном Комитете партии происходила с 1987 г. очень быстро и достигла колоссального размаха — за несколько перестроечных лет сменилось 85% его состава.

Особенно стремительной замена кадров была в обкомах и райкомах. В Москве она была связана прежде всего с деятельностью Б.Н.Ельцина, возглавившего МГК с декабря 1985 г. до октября 1987 г. (Пленум МГК КПСС, проходивший в декабре 1985 г. освободил В.В.Гришина от обязанностей первого секретаря МГК и утвердил в этой должности Б.Н.Ельцина. На октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. было решено удовлетворить просьбу Б.Н.Ельцина об уходе с поста первого секретаря МГК, связанную с наступлением консервативных лидеров, возглавляемых Е.К.Лигачевым).

Б.Н.Ельцин радикально взялся за обновление партийных кадров. Из тридцати первых секретарей райкомов Москвы были сняты при нем двадцать семь,

"Б.Н.Ельцин поставил несколько своих человек первыми секретарями райкомов" — говорил Г.И.Кутняков, отмечая, что многие из бывших первых, назначенных первыми секретарями райкомов Москвы после 1987 г., были в то время приглашены на работу в МГК. Таким образом, МГК, как своего рода "инкубатор" первых секретарей московских райкомов, выращивал в 1985 — 1987 гг. те "ельцинские" кадры секретарей, которые пришли в

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

райкомы уже после ухода Б.Н.Ельцина из МГК. И потому первые секретари райкомов, назначенные Б.Н.Ельциным до 1987г., встречали приходивших в 1988 — 1990 гг. из МГК как "своих". По словам Г.И.Кутняка, назначенного непосредственно Б.Н.Ельциным в 1987 г. на должность зав. отделом машиностроения МГК, начало его работы в качестве первого секретаря Фрунзенского РК в 1989г. было вполне органичным: "Люди были знакомые, организации знакомые. Только ситуация другая."

Когда наши респонденты стали первыми секретарями? (Напомним, что они и оставались на этой должности до ликвидации партии в 1991г.)

В бытность Б.Н.Ельцина в МГК были назначены первыми секретарями райкомов Москвы:

в 1986 г. - Н.П.Бедрин; Н.Е.Кислова; Р.В.Жукова;

в 1987г. - Е.А.Пантелеев; А.М.Брячихин; В.Н.Сеньков. В 1985-19870 гг. приглашены на работу в МГК — С.А.Потапов; Г.И.Кутняков.

После ухода Б.Н.Ельцина в 1987 г. на должности первых секретарей райкомов в 1987 — 1990 г.г. приходят :

в 1988г. — В.П.Шанцев, бывший председатель исполкома райсовета, симпатизирующий Е.К.Лигачеву. По его словам " ЭТО БЫЛО УНИКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ, КОГДА ПРОСТО БЫЛА ДАНА КОМАНДА ЗАМЕНИТЬ КАДРЫ. Я СЧИТАЮ, ЧТО ЗАМЕНЯЛИ ИХ ДЛЯ ОДНОЙ ЦЕЛИ - ЧТОБЫ ОСЛАБИТЬ ПАРТИЮ. В то время трудно было предположить такое предательство. Ведь кадры меняли по два, по три раза на одном месте в течение года. Рубка шла кадров. Но, конечно, если бы люди, с самого начала воспитанные этой системой — Гришин, например, в 1991 году были, а не сидевший там АМЕБООБРАЗНЫЙ ПРОКОФЬЕВ, он бы не поступил так, он бы не дал партии, городской партийной организации просто так сдать... Это исходило не от Ельцина. Он был исполнителем. Я думаю, что это исходило от Горбачева, от Яковлева. И это было по всей стране. Посмотрите тогдашние газеты. Сними одного секретаря обкома, другого. Это было как соревнование — кто больше кого снимет."

В 1989 — С.А.Потапов; из МГК приходит Г.И.Кутняков; назначается на должность второго секретаря райкома Л.С.Вартазарова.

В 1990г. — Л.С.Вартазарова становится первым секретарем; из МГК приходит А.В.Мартынов; становится первым секретарем В.Л.Колесов.

В 1991 г. - А.Б.Кисько.

В целом можно сказать, что так или иначе своей карьерой обязаны Б.Н.Ельцину более половины бывших первых секретарей райкомов Москвы. При этом шесть московских секретарей, которых мы опросили, были назначены в 1985— 1987 г.г. непосредственно Б.Н.Ельциным.

Нельзя не отметить вообще особое внимание к райкомовским кадрам в эпоху Горбачева. По словам Михаила Сергеевича, сказанным в 1987 г.: "Кадровая политика — это вопрос вопросов. Без "малой революции" в партии ничего не выйдет, ведь реальная власть у партийных органов. А подготовка у нас партийных кадров — пропахнувшее нафталином сырье. То же и в подборе и в выдвижении. Способные руководители начинаются с райкомов" (2). И для того, чтобы в райкомы приходили действительно способные руководители, в эпоху перестройки на должности секретарей райкомов стали назначаться люди, обладавшие не "выслугой лет" на партийной работе, а личными талантами и способностями. Внимание уделялось не как в былые времена "социальному происхождению", а уровню образования и

культуры. Именно способные, образованные люди, "преданные делу перестройки", и составили костяк первых секретарей райкомов Москвы "последнего набора". Впрочем, в то время "преданность делу перестройки" могла пониматься по-разному, в том числе и в духе Е.К.Лигачева и И.К.Полозкова.

В отличие от бывших первых, сделавших "классическую карьеру", оставшихся на своих должностях после радикального обновления кадров в 1985 — 1987 гг., или пришедших в райкомы в это время, люди, делавшие "молниеносную" карьеру не проходили последовательно все должностные ступени комсомольской и партийной иерархии. Поэтому для них "опыт" и "зрелость", столь ценившиеся среди тех, кто делал "классическую" карьеру, не имели особого значения.

Более молодые и динамичные, эти первые секретари — "выскочки", как их называли люди "классической" карьеры, делали свое "стремительное восхождение", иногда совершенно неожиданно для себя. (Впрочем, возраст не является здесь надежным индикатором. Самый молодой из "высочек" — Ю.В.Ильин, 1953 г.р., стал первым секретарем в Зеленограде в 34 года в 1987г. Л.С.Варгазарова, 1937 г.р., также сделала "молниеносную" карьеру. Ее выдающиеся личные таланты и способности, исключительный динамизм и политическое чутье проявились особенно ярко после 1991 г., когда она стала одним из организаторов и лидеров Социалистической партии. В настоящее время она является ее сопредседателем).

Все, кто сделали "молниеносную" карьеру, признают, что такой тип карьеры был немислим и невозможен без перестройки. Они сумели подняться на высшие ступени партийной иерархии, перепрыгнув сразу через несколько ступеней служебной лестницы, исключительно благодаря переменам, связанным с деятельностью М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина.

"Я убежден, — признавался В.П.Шанцев, что если бы не горбачевская система, я бы не стал первым секретарем райкома партии". "Если бы не было всей этой перестройки, то я, прошу прощения, никогда бы не стал первым секретарем", — убеждал нас В.Н.Сеньков и пояснял: "Если так вот всю эту иерархию рассматривать, то после должности секретаря парткома завода я в лучшем случае смог бы стать заместителем председателя исполкома райсовета. Или — председателем комитета народного контроля. Потому что вся иерархия была расписана. И в райкомах партии сидели там была как выслуга лет. И, честно говоря, придя туда, в недра аппаратные, мы были в общем-то инородным телом". Как говорил В.Л.Колесов: "Я бы никогда в обычном случае из консультантов горкома первым бы секретарем бы не стал. Это произошло в силу изменившейся ситуации".

Вместе с тем, по мнению многих из секретарей "классической" карьеры, появление нового типа карьеры и приход на руководящие должности "высочек" были для партии разрушительными.

Так, один из секретарей, проделавший "классическую" карьеру говорил: "Раньше для того, чтобы продвинуться по служебной лестнице, нужно было пройти ступени профессионального роста. А у нас получалось так, что сплошь и рядом сели в кресло те, кто не прошел определенных ступеней. Они, может быть, честные, хорошие, умные ребята. Но не понимая той проблемы, которой живет район, тяжело работать и руководить". Понимание проблем района, таким образом, связывалось с опытом работы и "укорененности" в райкоме партии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Также и для Н.П.Бедрина, приверженца "классической карьеры", было очевидно, что партия в целом "Многое потеряла от того, что на партийные должности автоматически стали переходить со школьного комсомольца, не понюхав рабочей среды и производства, не набрав опыта. Это крупная ошибка".

Главное же заключалось в том, что, по мнению многих секретарей "классической" карьеры, "высочки", которые пришли "на волне перестройки, просто подстраивались, и были уже не от коммунистической партии, к ней они не подходили".

Естественно, что секретари — "высочки", сделавшие "молниеносную" перестроечную карьеру, не питали особой любви и уважения к секретарям первой группы, которые многие года трудились над продвижением по служебной лестнице. Когда мы просили уже опрошенных респондентов связать нас с их бывшими коллегами, (рекомендации давались главным образом исходя их дружеских связей), становилось ясно, что круг "служака" и круг "высочек" практически не пересекались.

Впрочем, Н.Б.Кислова, пройдя долгий путь партийной карьеры, все ступени комсомольской, а затем партийной работы, высказалась о райкомовских работниках "традиционного" типа самым резким образом: "Большей нашей партии заключалась в том, что измельчали кадры. Маразматические были кадры и себе подобных подбирали. И райкомовцы тоже". По ее мнению, набор молодых, динамичных, способных был просто необходим для партии.

Однако "молниеносный" перестроечный тип карьеры как и назначение на должность первого секретаря лично Б.Н.Ельциным вовсе не гарантировали высокой степени "перестроечности" взглядов первых секретарей. Многие "высочки" придерживались значительно более ортодоксальных и консервативных, чем те первые секретари из "старшего" поколения, которые сделали "классическую" карьеру.

Хотя, конечно, нельзя не отметить, что среди них были уже действительно "не от коммунистической партии". Но, вместе с тем, некоторые из них являлись и являются убежденными коммунистами в самом ортодоксальном варианте. Интересно, что В.П.Шанцев, например, говоря о том, что если бы не "горбачевская система", то он не стал бы первым секретарем, интерпретирует это не как достижение горбачевской системы, но как закономерное следствие сознательного разрушения партии. Сама возможность сделать "молниеносную" карьеру рассматривается им как симптом такого разрушения. По его словам, Горбачев "разрубил все кадры, ослабил все это, и кого назначать первым — решали уже больше на местах. Кого более — менее знали и уважали на местах — того и выбирали." Для высших органов партии этот "либерализм" был нужен для того, чтобы легко манипулировать первыми секретарями. "Когда система была разрушена ставили уже не по деловым качествам, а ставили для того, чтобы потом с ним работать как с мальчиком для битья".

Таким образом, тип карьеры не определял политическую ориентацию. Секретари — "высочки", пришедшие на волне перестройки могли быть как людьми, "воспринимавшими новое", ориентированными на собственную карьеру и далекими от партийного фанатизма, так и людьми чисто традиционными, глубоко консервативными, убежденными приверженцами ортодоксального марксизма—ленинизма. Как говорил В.Л.Колесов : "И среди

"молодых" есть фанаты, неспособные понять ситуацию, кричащие : "Вы предав — е — те!"

С другой стороны, секретари старшего поколения, сделавшие более или менее "классическую" карьеру, вовсе не обязательно являются до конца жизни убежденными коммунистами. Многие из них, как мы увидим ниже, кардинально поменяли свои политические убеждения.

Характерно при этом, что если человек был больше связан с практической жизнью, занимался профессионально хозяйственными вопросами, был своего рода "менеджером" от партии, тем в меньшей степени он был идеологизирован, и тем самым более органично вписался в новую жизнь. Чистые "хозяйственники" как старшего, так и молодого поколения, относительно скептически относились к официальной идеологии, чисто внешне обрабатывая партийный имидж.

Впрочем, это не такой простой вопрос, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что советская правящая элита складывалась из двух частей — партийно-политической, состоявшей из профессиональных партийных работников, занятых в основном вопросами идеологии, и партийных функционеров — управленцев. Первыми секретарями райкомов были как правило профессионалы — управленцы, и лишь изредка "идеологи", как например Н.Е.Кислова, Л.С.Вартазарова или Р.В.Жукова. Во всяком случае ни один из секретарей — мужчин не был профессиональным "идеологом". Напротив, все они были своего рода "менеджерами" экстра класса, что им пригодилось в дальнейшем, после ликвидации партии в 1991 году.

В их функции входило "курирование" производства в районе. Они координировали деятельность министерств и ведомств, отраслей экономики, заводов, фабрик, Институты, театров и всего, что входило в их "территорию". Идеология как таковая их никогда особенно не интересовала, и относились они к ней, как правило, скептически, что, впрочем, не мешало им выступать с пламенными речами и соблюдать правила игры. В результате в структуре правящей элиты, в данном случае такой ее "прослойки" как первые секретари райкомов, главным элементом являлись хозяйственно — управленческие и реально управляющие экономикой кадры. Именно психология и менталитет управленцев различных уровней определяли не только политическую стратегию, но все функционирование политических структур.

Как говорил В.П.Шанцев: "Все городские и районные комитеты партии, чтобы не морочить людям голову, что они ерундой занимаются, занимались территориальным разрезом народного хозяйства. На них держалась так называемая ситуация в районах, в городах. Они связывали интересы предприятия и они же, как не странно, — вот сейчас хоть любого спроси, — они защищали предприятия от волонтаризма министерств. Куда бежал директор, если в министерстве давили какими-то цифрами, давали непомерный план? Он бежал в местный райком и говорил: "Защитите, я же не справлюсь, смотрите, что делается". Тогда подключали горком, а в горкоме уже через ЦК подключали нас, а потом секретарей, которые имели все — Гришина, Борисова и других".

"Я занимался чисто хозяйственными вопросами,— вспоминал Г.И.Кутняков. — Я выполнял функцию увязки между отраслями. И так всю жизнь. Когда я работал в отделе машиностроения ЦК КПСС, то моя функция была развитие материальной базы тракторных заводов. Я был прошибалой."

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

И именно потому, что большинство бывших первых секретарей были такого рода профессионалами — управленцами, прекрасно знавшими ситуацию в районе, на них сделали ставку власти Москвы в 1990—1991 г.г., до путча. По словам Г.И.Кутнякова, Г.Х.Попов и Гончар, собрав несколько первых секретарей сказали им: "Мужики, но вы-то на земле ногами стоите, а не головой." И мы впряглись в эту тачку, чтобы в Москве не было раздвая".

Показателен в этом отношении и пример А.М.Брячихина, ныне префекта Западного округа. Казалось бы, "классическая" карьера, требовавшая много лет "роста", включенность в политическую жизнь, активное участие в формировании коммунистической партии РСФСР в 1990 г., — на Пленуме ЦК КП РСФСР в сентябре 1990 г. А.М.Брячихин был избран членом Политбюро, — все это должно подтверждать определенную ортодоксальность взглядов. Однако, это вовсе не так. А.М.Брячихин — прежде всего высшего класса профессионал — хозяйственник, "менеджер", и лишь потом политический деятель, причем без какой-либо ортодоксии или консерватизма. Напротив, его без сомнения можно считать одним из наиболее активных преобразователей партийной жизни в перестроечную эпоху, а сейчас, пожалуй, самым видным преобразователем экономики Москвы. Чего стоит, например, лишь один из его проектов с организацией совместного русско-американского предприятия "кока—колы".

Что же секретари — "идеологи"? Были ли они все приверженцами марксизма — ленинизма в его ортодоксальном варианте? И да, и нет.

Л.С.Варгазарова — всегда была "идеологом". И до сих пор остается им, но уже не в коммунистической, а в социалистической партии.

Трудно назвать ортодоксом и другого "идеолога" Н.Е.Кислову, которая вместе с тем, продолжает оставаться в рядах КПРФ и придерживается коммунистических взглядов.

Зато Р.В.Жукова, без сомнения, является наиболее ярким выразителем "охранительно — ортодоксальной" традиции, оставаясь до сих пор ярким приверженцем марксистко—ленинской идеологии.

В целом, по мнению одного из бывших первых секретарей (В.Л.Колесова) в этом последнем секретарском "замесе" ясно видно три группы: "старые кадры, пять—шесть человек. Их ничем не прошибить, это — непоправимо"; "новые, молодые — "молодой помет". "Они секретарями никогда бы не стали не будь перестройки. Среди них были люди, воспринимавшие новое и люди, не воспринимавшие новое". Третья группа — "переходная. Это люди, которые продвигались и заняли бы эти места, если бы дело развивалось обычным, доперестроечным образом". Они, с точки зрения В.Л.Колесова — "нормальная, прагматичная часть коммунистов". К ним они причислил себя, А.М.Брячихина, Н.Е.Кислову, А.В.Мартынова, Ю.В.Ильина, Г.И.Кутнякова.

Таким образом, люди становились первыми секретарями райкомов партии. Считали ли теперь они себя элитой общества? Вовсе нет. Из всех опрошенных только двое ответили, что причисляли себя к представителям элиты. Почему? — "Потому что привилегии какие-то были" (А.Б.Кисько). Потому, что "нас было только 30 человек в Москве" (Р.В.Жукова). Правда, по ее словам, первые секретари райкомов Москвы хотя и приравнивались

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

в номенклатурной иерархии к секретарям обкомов, не имели обкомовских привилегий. По ее словам "У элиты должны быть 3-х этажные дачи, а у первых секретарей — маленькие садовые домики. Когда ко мне приехали на дачу, которую получила еще мои родители, то ужаснулись — какое убожество, ожидали увидеть совсем другое".

Абсолютно все опрошенные нами бывшие первые секретари стремились всячески преуменьшить привилегии и особые возможности. Они охотно рассказывали о том, какие маленькие и скромные праздничные заказы были у них по сравнению с заказами цековцев и тем более членов Политбюро, о том, как нельзя было купить себе машину или дачу, поменять квартиру на большую и так далее. "Вот я работаю первым секретарем РК партии, политик районного масштаба. Была машина, поликлиника в 4-м управлении. Могу снять дачу — хочу на год, хочу — на сезон, но я должен платить деньги. Ежедневно заказы продовольственные, и два раза в год — заказы от РК партии на одежду (все-таки в обществе бываешь, надо "выглядеть"). Я знал, что если что-то, то я из обоймы сразу (вылетаю). И при этом я не мог купить СЕБЕ машину, дачу. Протопопов купил себе машину только, когда ушел из секретарей. Тогда выгоды для себя у меня практически не было. Сегодня несколько иное. Да, были раньше и дома в Плотниковом переулке, и дворцы. **НО БЫЛИ КАКИЕ-ТО ОГРАНИЧЕНИЯ. СЕГОДНЯ ИХ НЕТ**" - говорил В.Н.Сеньков.

Кроме двух респондентов, — А.Б.Кисько и Р.В.Жуковой,— все остальные из бывших первых на вопрос считали ли они себя элитой, без колебаний отвечали отрицательно. "Никогда не считал себя представителем элиты" (С.А.Потапов). "Нет, не считал. Элита — это Политбюро, кандидаты в Политбюро, а не мы, первые секретари" (Е.А.Пантелеев). "Элита — это начиная с уровня зав.отдела ЦК. А я принадлежал к функционерам среднего звена" — говорил А.В.Мартынов.

Элита, по мнению Н.П.Бедрина, начиналась только с первого секретаря МГК и включала в себя цековцев. По его мнению человек элиты отличается от человека не элиты прежде всего тем, что "перестает по существу отвечать за свое дело. Когда он начинает пользоваться плодами своего положения, не прикладывая особых трудовых усилий". Что же касается первых секретарей райкомов, то они, по убеждению Н.П.Бедрина "не то, что плодами своего положения, своим-то не могли пользоваться". Примерно о том же говорила и Н.Е.Кислова. На вопрос "Считали ли вы себя представителем политической элиты она ответила: "Нет, никогда. Политической лошадкой — да".

Вместе с тем, по мнению многих, в том числе и А.М.Брячихина, бывшие первые уже в силу своего положения не могли не чувствовать себя людьми выше среднего уровня. Ведь они были "руководителями, в какой-то мере определителями судеб многих людей". И этот груз постоянно довлел. Тем не менее, никто не жаловался, что многие годы отдал делу партии и тянул на себе этот тяжелый груз ответственности. Видимо, "своя ноша не тянет".

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

2. *Primus inter paris*¹

Почти все бывшие первые секретари связывали свое начало работы в партийно — государственном аппарате не столько со своим сознательным выбором, своим желанием и волей, сколько с особым "роковым" случаем. Для очень многих из них перспектива работы в райкоме партии оказалась неожиданной. Во всяком случае запланированной работы для того, чтобы стать партийным функционером они "с молодых ногтей" не проводили. "Никогда не думал, что буду заниматься партийной работой" сказал В.П.Шанцев, вспоминая, как его избрали зам.секретаря парткома предприятия, с чего, собственно и началась его "партийная карьера". "Это парадокс моей жизни — я никогда не стремился к партийной работе и особо не рвался вступать в партию. Но началось с того, что был молодежный порыв — все тогда работали в комсомоле, тогда тяга туда была сильная. А потом она прошла. А я стал заместителем секретаря парткома объединения" — говорил В.Н.Сеньков. "Я не собирался работать в политических структурах. Возможно, я добился бы многого на производстве" утверждал С.А.Потапов. Так и другие, за исключением трех бывших секретарей, в той или иной степени "не рвались" сделать партийную карьеру. Но жизнь как-то так сложилась, что они попали "в колею" партийной жизни, из которой выбраться было сложно, да и особенно не хотелось, несмотря на все "издержки".

Что вело людей в первые секретари? "Неправильная информация. Прелести будто бы. Или амбиции власти" — говорил Н.П.Бедрин. "Это была тяжелая работа. Но я думаю, что это была карьера, особенно для мужчин" — заметила Н.Е.Кислова. "В партийной колее от тебя брали все что возможно — интеллектуально, физически. Но тебе и давали — престиж, довольно высокую оплату работы, да и социальную защищенность" — сказал В.Л.Колесов.

Согласно собственным признаниям подавляющего большинства бывших первых секретарей, их решение заняться партийной работой (или предшествовавшей ей комсомольской), было так или иначе навязано внешней силой — авторитетным человеком, который "попросил", "настоял", "уговорил" помочь, возглавить, целиком отдаться во имя идеи партийной работой в райкоме. Свое согласие бывшие первые рассматривают как исполнение партийной дисциплины, как подчинение долгу и слову "надо" — высшему понятию советского партийного человека.

Когда А.Б.Кисью пригласили работать с должности секретаря партийной организации Института авиационных технологий, он "переходил туда с большим опасением. Но я — дисциплинированный человек. Когда говорили "Надо переходить" — я переходил. И не пожалел". На вопрос: "Сложно ли было переходить на новый вид работы, с генерального директора предприятия на 1 секретаря Куйбышевского райкома партии?" Е.А.Пантелеев ответил: "Было слово "надо".

Самое "типичное" назначение на должность первого секретаря происходило по следующей схеме.

"В 1972 году я находился в отпуске. Звонит 1 секретарь Красногвардейского райкома партии, вызывает меня из отпуска в горком к Гришину. Говорят: "Надо секретарем райкома работать". Я не хотел. Ну, во —

¹Первый среди равных (лат.)

первых, заметно материально терял. Да и вытащили меня из отпуска, только три дня и проотдыхал. Состоялся Пленум, меня избрали. Стал третьим, курировал промышленность, строительство. После Пленума улетел обратно отдыхать," рассказывал Н.П.Бедрин.

Впрочем, также происходило и назначение на комсомольскую работу. "Вызывает меня 1 секретарь райкома партии. Ни о чем не спрашивает. "С понедельника выходите на работу" — сказал и так я стал секретарем райкома комсомола" — вспоминает С.А.Потапов.

Абсолютно также становились и председателями райисполкомов. "Пригласила меня Р.Ф.Дементьева, тогда — второй секретарь Горкома партии. Говорит: "Принято решение направить Вас председателем райисполкома в Ваш родной Перовский район." — "Да я же никогда на советской работе не работал" — говорю. И отказался. Мне говорят: "Вы подумайте". Через некоторое время звонят: "Ну, Вы подумали?" Я говорю: "Я подумал. Мое личное мнение не изменилось". "Ну, тогда приходите во столько—то часов завтра к Виктору Васильевичу Гришину на беседу". Пошел. А там уже несколько человек стоит. Зашли. 30 секунд: "Я желаю Вам успеха на новом месте работы". И рта не успел раскрыть" — говорил В.П.Шанцев. По его воспоминаниям та же схема повторилась и при назначениях первых секретарей непосредственно Борисом Николаевичем Ельциным, который "как когда-то мне Гришин говорил людям : " Будешь первым секретарем райкома" . Это же подтвердил и А.М.Брячихин: "Пригласил меня Б.Н.Ельцин и хорошие слова говорил. И в два дня я загремел первым в Севастопольский район на решение хозяйственной проблемы".

Значит ли это, что, подчиняясь воле партии, первые секретари были сами неволевыми людьми? Как раз наоборот, первое, что нам бросалось в глаза — это их воля, самостоятельность суждений, независимость, спокойная уверенность в себе. Можно по-разному относиться к коммунистическому режиму, к советской системе, к коммунистической партии, к ее функционерам. Но нельзя не признать, что все бывшие первые "последнего замеса" являются яркими личностями, волевыми, решительными, самостоятельными, которые знают жизнь и не боятся трудностей. Попытаемся подробнее рассмотреть типичные черты их характера.

3. Каким человеком надо быть, чтобы стать первым?

Какие качества характера в большей степени свойственны бывшим первым секретарям? Воля и самообладание? Терпение? Работоспособность? Умение приспособливаться и находить компромиссы? Или, напротив, жесткость, "борцовские" качества, способность отстаивать, во что бы то ни стало, себя и свои интересы? Прислушаемся к мнению самих бывших первых.

Из слов А.М.Брячихина можно было заключить, что главное в характере — самостоятельность, способность брать на себя ответственность и принимать решения. Он говорит: "Большое число людей мучаются, что что-то не состоялось, занимаются нелюбимой работой.)Где-то не хватает духа быть лидером, потому что нет задатков. А есть работа, требующая не просто каких-то специальных качеств, а просто лидерского характера. А вот когда человек попадает на предначертанное природой, на то, что соответствует складу характера, — вот это доставляет большое удовольствие... Когда я закончил техникум в 1960 г., был назначен мастером на стройку. Я был

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

соплюгой, я ничего не понимал, но характер был драчливый. В школе меня выгоняли за две недели до каникул, чтобы все было тихо. И когда я поступил в техникум,— случайно, как мне показалось, все в школе рыдали от счастья, что от меня избавились... С 14 лет, когда я поступил в техникум, я был там, грубо говоря, на собственном довольствии. Семья была бедная. Учился я всегда нормально, у меня характер был неправильный. Когда в 1965 г. я задумал поменять Электросталь на Москву, я это сделал. Самостоятельные вещи — они так у меня и были. Я переехал в 1967 г. и начал другую жизнь. Самостоятельность это психология, которую я держу и держал. Она очень простая. И так я воспитываю дочь. Я спрашиваю у нее: "Если со мной завтра что случится, ты выживешь одна?" А вот, посмотрите на многих детей крупных начальников — они вымирающее поколение, ничего не могут сами... У меня самостоятельность была с 14 лет".

Как и самостоятельность, так и "борцовские качества" были фактически основой для формирования характера самого Брячихина. Не случайно он профессионально занимался спортом, причем именно борьбой: "Борьба — я 12 лет боролся, 8 лет профессионально за сборную России. И это тоже формирование характера".

Таким образом, человек делал себя сам, делал самостоятельно, постепенно выбиваясь "в люди", становясь Личностью: "Сам себя делаешь. Сам себя ругаешь и заставляешь. Но нельзя чтобы сам себя ел."

По признанию В.Н.Сенькова самостоятельность и умение взять ответственность на себя были самыми необходимыми качествами для работы первым секретарем. "Те двадцать три года, что я проработал на заводе Микулина летчиком—испытателем, дали много и в плане профессиональном, и в плане человеческом. Потому что профессия испытателя требует принятия решения и умения взять ответственность на себя. В жизни мне это очень пригодилось".

Таким образом, такие качества как самостоятельность, умение брать ответственность на себя, принимать решения и борцовские качества были для многих бывших первых секретарей необходимы как воздух.

Для многих, как например, В.П.Шанцева борцовские качества означали умение "активно себя защищать". (Показателен в этом отношении его рассказ о том, как ему пришлось бороться с анонимщиками и врагами из горкома. "Кто конкретно в горкоме рекомендовал объявить мне выговор? Просто так я взыскания не возьму, я его не заслужил. По моему мнению как специалиста, как работника городского хозяйства, работа была сделана нормально".)

По словам В.Н.Шанцева он " всю жизнь старался не просто поддаваться ситуации, а ею управлять". Думается, что этот принцип был в той или иной степени разделяли все бывшие первые секретари.

Что кроме этого было крайне необходимо? Видимо, активность и работоспособность. Работа вообще является для всех секретарей самым главным в жизни. "Работа всегда была самым важным для меня в жизни" — типичное утверждение бывших первых, как, впрочем, и многих людей "советского типа". "Семь лет работы как проскочили. Пахал и знал свое дело" — с удовлетворением говорил Н.П.Бедрин. Также необходима была активность и инициативность. "Работать неэнергично я не мог в силу своего характера" — вспоминал С.А.Потапов. Даже само решение работать в парторганах Колесов, например, связывал с возможностью активного са—

мопроявления. "Я натура активная, мне нужен острый интерес. В науке мне было интересно, но наступил этап, когда острый интерес пропал".

Характерно при этом, что подавляющее большинство опрошенных в той или иной форме отмечали за собой стремление к новаторству, к созданию чего—то принципиально нового. Они хотели претворить какую—то свою идею в жизнь и добивались этого всеми силами. Этот мотив присутствовал в их жизни с ранней юности. Так, например, Л.С.Вартазарова, вспоминая о том, как она мечтала поехать в поселок Мирный строить гидроэлектростанцию, отмечала: "Это же интересно с нуля начинать и что—то свое делать... Вот, ни куда—то там встраиваться, во что—то уже существующее, приравниваться, а вот иметь возможность как—то с чистого листа что—то сделать, а потом говорить: вот это — я, вот я построил... Нет, это чувство, между прочим, очень серьезное".

Сопоставляя эти высказывания с ответами о точке пика в карьере, становится очевидным, что бывшие первые секретари непосредственно связывали высший пик своей реализации, своей карьеры с тем, что им удалось претворить в жизнь свои идеи. Так, например, точкой пика в карьере В.Н.Сеньков назвал 1990 год, когда "была закончена разработанная с экономистами из МГУ программа перехода Ленинского района на основы хозрасчета и самофинансирования", идейным вдохновителем которой и был сам В.Н.Сеньков. Для Н.П.Бедрина это был 1975 год, "когда активно работал в Красногвардейском районе, где шло большое строительство" и ему удалось это строительство продвигать. "Пиком можно считать мое избрание первым и одобрение моей программы" — говорил Ю.В.Ильин. "Первый пик был когда я стал первым секретарем в комсомоле и увидел, что из моих идей что—то реализовывается, получается. А в карьере первого секретаря РК КПСС я не успел этого сделать, потому что большинство из того, что наметил сделать, не успел реализовать" — говорил С.А.Потапов.

Другой вариант ответа о пике карьеры был связан с победой в "жесткой борьбе". Так, например, для В.Н.Сенькова пиком была его победа на сессии райсовета, когда он был избран председателем совета. "Это была вершина. Это была жесткая борьба". Также, составляя в свое время конкуренцию Г.Попову на выборах в мэры, В.Н.Сеньков был рад, что "ушел с арены не с первого раза", хотя и был обижен на радио "Свобода", которое "облило его ушатом помоев". "Я считаю, что для меня, как бывшего первого секретаря в то время, 34 голоса "за" было много и серьезно".

Не менее важным были организаторские способности и умение ладить с людьми. "Я не шумная, но достаточно волевая, и у меня все-таки есть задатки организатора" — говорит о себе Кислова, всю жизнь немного сожалевшая, что не посвятила себя педагогике, не стала школьной учительницей.

Впрочем, умение "ладить" с людьми, которое отмечали почти все бывшие первые, понималось ими по—разному. Так, например, для А.М.Брячихина это было связано с налаживанием контактов с людьми науки. "Район был тяжелый, район науки, Институты разные, академиков человек 60, докторов... Но потом я их всех потихонечку подгрел и мы поладили". Это "подгревание" в частности выразилось в том, что "Половина всяких там демократических движений заседала у нас в райкоме. Включая Шах — новского, брата Чубайса, Лысенко, Шейниса, Румянцева — они все из Севастопольского района".

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Для успешного продвижения вверх важно было, как это не покажется странным на первый взгляд, иметь "бунтарский характер", какой имел, по собственному признанию, например, С.А.Потапов.

А.М. Брячихин, объясняя, почему именно его, а ни кого-нибудь другого Б.Н.Ельцин решил назначить первым секретарем райкома, рассказал: "В 1985 году, когда Ельцин пришел в МГК, я работал семь с половиной лет председателем Солнцевского горисполкома. Кое-какие меры пришлось предпринять, и Солнцево передали Москве — три года у меня ушло на это. А Ельцин был гроза садов и огородов, менял людей. И он приезжает в одну из суббот, — это тогда было в моде — объезжать, смотреть, — а первый секретарь слабый был, испугался и спрятался. Ну не лидер. А я — рядом. "Ты кто? Ну, рассказывай, что у тебя" — говорит мне Ельцин. И как мне говорили потом, это был первый случай, чтобы с Ельциным кто-то не соглашался. И вот, видимо, я ему понравился потому, что все боялись, а я вообще-то не очень боюсь". В результате А.М.Брячихин "в два дня загредел" первым секретарем райкома. Видимо, качества профессионального борца очень помогли ему не испугаться и с блеском использовать случай.

По свидетельству многих других первых секретарей умение вовремя произвести впечатление "бунтаря", "борца", искренне выступающего против лжи в партии, было решающим для того, чтобы тебя заметили и по достоинству оценили. Впрочем, идти на такой риск оказалось по силам далеко не всем из бывших первых. Опытный В.Н.Сеньков говорил: "У нас очень интересная страна. Наша система такая, что она людей, имеющих свое мнение, не очень любит. И если посмотреть на историю, московскую, то первые секретари райкомов партии никогда не, занимали высоких постов в дальнейшем."

Чтобы быть первым, необходимо было любить работать с людьми и уметь делать это. "Мне нравилось работать с людьми, видеть их умение в чем-то, помогать им" — говорит Кислова. "Как только зачерствешь, то уже нельзя работать с людьми. Не любя, — это, наверное громко, а вот не чувствуя их как людей, — нельзя. Без этого качества нельзя работать с людьми" — считает А.М.Брячихин.

Спокойствие и уравновешенность отметили как обязательные качества, необходимые для первых секретарей Е.А.Пантелеев, Н.Е.Кислова.

Нужна ли была честность или она только мешала? Для более, чем половины опрошенных честность вообще является чрезвычайно важным качеством человека. "Порядочность и честность" — наиболее ценит в людях Е.А.Пантелеев. "Порядочность и доброту" более всего ценит и А.Б.Кисько. "Честность, открытость" ценит Н.П.Бедрин и многие другие. Порядочность назвал самым ценным качеством также А.В.Мартынов, Н.Е.Кислова, Р.В.Жукова. Но как бы не ценили эти драгоценные человеческие качества бывшие первые, в реальной жизни для них, как впрочем и для всех людей, стремление сохранить в себе эти качества и реализовывать их, находилось в вечном противоречии с карьерными соображениями. Тем не менее, для некоторых бывших первых честность и порядочность были не только теми качествами, которые необходимо демонстрировать, но действительными жизненными принципами. Другое дело в какой степени в различных ситуациях удавалось эти качества проявить. "Приходилось видеть разные способы лезть вверх. Доверие к людям, открытость — это самое главное, это то, что я старался не то, что демонстрировать, а реализовывать. Не любил я коридоров ЦК, не любил там ошиваться. Я был здесь затворником. Но во

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

всех сферах есть нечестные люди. Отмывание денег — это нечестно. Я на этом рассорился со многими знакомыми. Подкалывали, мол, жить не умеешь" — говорил Потапов, и у нас не возникало ощущения, что он говорил это неискренне.

И все же для многих порядочность и честность нужно было скорее демонстрировать, ведь в политике казаться высоко нравственным — важнейшее дело. Порядочность и честность — "это элементарные вещи. Без них нельзя. Но общество должно востребовать таких людей. А сейчас самая безнравственная пора в этом смысле. Такого раньше не было. Когда я переезжал из комнаты в однокомнатную квартиру, решение по мне принимало бюро обкома. А сейчас занял пятикомнатную — и никаких вопросов" — отметил А.М.Брячихин.

По мнению Н.П.Бедрина, для политического деятеля вообще и для первого секретаря в частности всегда были важны "честность и скромность. Если ты в России хочешь руководить, то есть только два пути либо задави народ и тогда руководи, но это — до поры до времени будет. Либо ты полностью должен быть с ним и жить не лучше него. На 90% бывших руководителей, — я говорю о коммунистических лидерах, — на районном уровне жили скромно, очень скромно. А вот сама верхушка... Вот здесь, да, пошло бесконтрольно... Для секретаря и для политического лидера, конечно, нужен ум, скромность, сдержанность, ну и другое. Нужно все-таки, чтобы и опыт был. А те кадры, которые сейчас находятся у руля, они одержимы тем, чтобы хватать и это очень плохо для страны".

Умение находить компромиссы также назывались в качестве необходимых качеств и для того, чтобы быть первым секретарем, и для того, чтобы вообще быть политическим деятелем любого масштаба. Себя считали человеком компромиссов более половины бывших первых секретарей. ("Я — человек компромиссов" — признался Е.А.Пантелеев. "Я очень гибкий человек. Жизнь меня приучила. Пока можно терпеть и уступать, нужно терпеть и уступать. Как тростник, который сгибается, чтобы в любой момент распрямиться" — говорил другой бывший первый — В.П.Шанцев. "Я считаю себя человеком компромиссным. Но тогда, когда уже договорились и если кто-то вихляет, то я к этому нетерпим" — пояснял свое отношение к компромиссам Н.П.Бедрин.

Профессионализм — также обязательное качество. Для большинства бывших первых быть профессионалом означало быть профессионалом — управленцем. Что это значит? Об этом подробно рассказал В.Л.Колесов: "Управленческие качества это во—первых, умение формировать команду и руководить ею; во—вторых, плотность в работе. Если я их выполняю, — какие—то организационные функции, — то я их делаю от "А" до "Я", я знаю технологию. В—третьих, это умение работать с людьми. В—четвертых, умение готовить и обрабатывать различные документы. И целый ряд других. Я умею управлять. Есть такое иностранное слово — "менеджер". Русское слово — "управляющий". Вот я и был профессионалом — управляющим".

Профессионально организовать людей и управлять было тем более необходимо для бывших первых потому, что "до перестройки были жесткие требования. Что было принято — чтобы было сделано! А как это объясните людям — ваши проблемы" (Ю.В.Ильин)

4. Какими качествами должен обладать политический лидер?

Один из вопросов нашей анкеты звучал так: "Какие качества требовались раньше от политического лидера, чтобы продвигаться вверх и сохранять достигнутые позиции? Какие качества требуются для этого теперь?"

На эти вопросы бывшие первые отвечали по-разному.

Наименее типичным оказался ответ Кисловой, который, как нам кажется, был бы вполне типичным суждением "простого человека", смотрящего на партийные игры "из вне". "Раньше нужна была поддержка, "мохнатая лапа". Я на своей шкуре это испытала" — говорит Кислова, отмечая, что когда она приехала в Москву ее поразило "насколько много было дегенератов" как из секретарей парткомов предприятий, так и из секретарей райкомов. Для того, чтобы продвигаться вверх и сохранять позиции нужно было, как говорил Пантелеев, и собственные способности и навыки, и родственные связи. "Вот я хотел в Дип.академию в 80—е годы поступать. А там мне перешел дорогу сын зам. министра. И я не прошел, хотя готовился".

Хотя никто и не отрицал, что блат и связи были нужны для того, чтобы идти вверх во все времена, лишь двое из опрошенных сказали, что он был нужен и для того, чтобы стать первым секретарем. Напротив, типичным можно признать суждение Шанцева, который говорил о том, что блат, возможно, играл большую роль для того, чтобы пробиться в ЦК, но по благу в секретари райкомов не назначались. "Сильные мира сего, которые в то время были, они же не дураки, чтобы своих детей направлять председателями исполкомов или секретарями райкомов. Там же такая работа, что дай Боже. А их направляли за рубеж, во внешнюю торговлю, в дипломатический корпус. А сюда — в председатели исполкомов и секретари райкомов никто по благу не направлялся, потому что здесь вкалывать надо было, ответственность большая, просто не усидишь, если дурачок какой—то".

Если отвлечься от блата и связей, то политическому лидеру необходим определенный "интеллектуальный уровень. Ну и профессионализмом. Ему нужны еще, конечно, и определенные черты характера, которые позволяли бы быть лидером — политическая воля, целеустремленность, порядочность, смелость, может быть, чуть—чуть самодурства бы не мешало, ну, то есть, характера" (Кислова). Раньше, по признанию бывших первых, для политического лидера необходимо было "умение ставить цель и добиваться ее решения. Впрочем, "может быть, где—то родственные связи толкали" (Кисько). "Главное качество лидера вообще — видеть на несколько ходов вперед, иметь общую стратегию, прозорливость, дальновидность. Все остальное может сделать команда" (Мартынов). Однако в реальной жизни часто оказывалось, что решающим качеством было умение "ориентироваться". Так было раньше, так есть и теперь.

В этом отношении интересно суждение Брячихина о политическом лидере в прежней, советской системе и сейчас. "Лидер — это как удав и кролик. Он должен повести за собой людей либо кнутом, либо пряником, либо еще чем—то. Он должен в определенной мере быть демагогом. В той системе были свои правила, их надо было выполнять. И единственный плюс той системы был в том, что население все-таки могло как—то влиять. А если у тебя отобрали партийный билет, то ты уже нигде не мог работать руководителем, даже директором школы. Партия расставляла кадры через такую систему кнута. А сегодня для лидера ситуация гораздо проще. И се —

годня лидер больше демагог, больше обещатель, больше пустобрех и хапуга. Такой тип лидера долго не может быть. Все это пройдет, но настоящему лидеру сегодня сложно, он должен бороться с этими демагогами, а население уже никому не верит. Но мы все равно придем к лидеру профессионалу, к профессионалу—управляющему, который способен организовать дело".

По мнению Ильина "Для лидерства нужен человек, который бы спокойно и отлично понял проблему, который способен взять ответственность на себя. Я приведу такой пример. На пресс — конференции в Думе Жириновскому задают вопросы. Пять вопросов разноплановых, заготовленных, острых, больших. Он начинает отвечать с пятого и приходит к первому. Видно, что он, во-первых, обладает хорошей памятью; во-вторых, способен выстроить систему доказательств. И его театральность просматривается как тщательно спланированная затея. Если бы я был Борисом Николаевичем, я бы дал действовать тем силам, у которых первое — есть программа, второе — я бы сделал выбор в пользу конструктивного человека с системным подходом." Таким образом, интеллект, "системный подход", понимание проблемы составляют основу для формирования личности лидера.

Однако теперь, по мнению подавляющего большинства опрошенных, "кадровой политики вообще не проводится" (Кисько), и вместо политических лидеров мы видим политиканов различного масштаба, для которых их собственные корыстные цели имеют абсолютное значение. "Появилось новое качество — умение обещать народу и зачастую давать пустые обещания. Раньше этого не было. Лидер отвечал за свои слова перед партией, перед народом" — отмечает Мартынов. Поэтому сейчас политический лидер "это работа больше демагогическая. Профессиональных политиков у нас еще нет, и новый тип этих политиков из пеленок должен еще выползти. И меня пугает, что у нас нет в исполнительной власти лидера и людей, отстаивающих интересы общества и чуть—чуть видящих куда общество идет" (Брячихин). Поэтому, как говорил Шанцев: "Сейчас реально от политического лидера требуется умение приспособливаться и извлекать выгоды. Вот, Филатов, — никем не был, научный сотрудник, а сейчас — ближайший помощник президента. А он к этому не подготовлен и не имеет права. Но он просто сумел вовремя сориентироваться".

Поэтому "сейчас не умные, сейчас другие впереди. Это как на вокзале, когда никто не "рулит", то ведет тот, у кого "горло" (Бедрин). По его мнению раньше все же политические лидеры учитывали интересы всего общества, "а сейчас превалируют личные интересы, выгода для себя лично. Если интересы "клана", то это уже не совсем плохо".

Сравнивая кадровую политику раньше и теперь, бывшие первые секретари почти единодушно отметили, что раньше, в советскую эпоху, кадры подбирались умело. В русле "классической карьеры" для того, чтобы стать первым секретарем, нужно было пройти через строгий многоступенчатый отбор. "Прежде чем тебя назначали на какую-нибудь должность, нужно было пройти через сто комиссий. Меня сколько раз приглашали — ты пойдешь туда, ты пойдешь — сюда. Проходишь всех. Все с тобой беседуют инструктор беседует, секретарь райкома беседует, все тебя оценивают и каждый составляет о тебе мнение. А потом они вместе советуется и принимают решение. То есть была система отбора... Поэтому когда рассказывают, что дураков сажали — ерунду рассказывают. И хотя они везде

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

были,— дураки,— и сейчас их больше, чем было. Они и в Министерствах были, и на предприятиях. Но я бы посчитал, что в партийных органах их было меньше, потому что отбор был серьезный" — говорит Шанцев.

Так и Колесов отмечал, что "Система отбора была строгая и органичная. Подбирали по деловым и профессиональным качествам. Человек, имевший нормальные деловые и профессиональные качества замечался и в какой—то момент втягивался в парторганизацию". По его мнению "не на все, но на ведущие должности в результате такого отбора подбирались действительно профессионалы. Советские органы — те же партийные, только с другой стороны. И отбор там был тот же".

Шанцев вспоминал, как он не послушался горкомовскую комиссию и взял себе в замы человека, которого не рекомендовал один из инструкторов, ссылаясь на то, что тот в детстве играл в карты. Однако, как оказалось впоследствии, горком был прав и тот человек "предал" начальника. Из этого Шанцев сделал вывод о том, что горкомовские люди, "сидевшие на кадрах, копали глубоко. Они оценивали людей объективно. Но не всегда это воспринималось правильно. Вот я, например, неправильно воспринял — ну в карты он играл, ну и что? А горкомовец ведь привел это как причину какую-то, какую он внутренне, интуитивно как кадровик чувствовал, чувствовал, что мы берем не того человека. И впоследствии оказался прав".

Система держала всех в жестких рамках, требовала соблюдения определенных норм поведения. Как и на всех этапах советской эпохи, в последние годы существования КПСС партия оставалась требовательной к идейно — нравственному облику своих питомцев. "Я попал в обойму тогда, когда старые, замшелые работники аппарата, особенно ЦК, если ты что—то не то сказал, тебе звонят и чистят. На "ты" старший — младшему — это обычно. Но выволочку устраивали очень интеллигентно, однако после этого ты хватался за сердце и глотал все, что было в карманах. Это же были профессионалы, грубости не было. И я знал, что если что—то, то я из обоймы сразу вылетаю. Были какие—то ограничения, сегодня их для элиты нет".

Рассуждая об этих ограничениях Потапов обратил внимание на то, что раньше нельзя было делать категорически несколько вещей: выпивать ("запах спиртного был криминал для первого секретаря. Особенно при В.В.Гришине"); "решать свои проблемы за счет других"; а также "На определенных должностях запрещалось иметь свою машину, дачу, но можно было арендовать государственную. Я не имел права без разрешения бюро РК поменять квартиру". К негласным запретам относился "запрет показывать свое настроение окружающим. Я никогда не кричал, не повышал голоса". Нельзя было также разводиться, а тем более быть замеченным в наличии любовницы.

Говоря о системе отбора в секретари, Сеньков также отметил, что "раньше, прежде чем назначить на должность в аппарат, власти любого насквозь просвечивали, КГБ обязательно. И если ты в связях, порочащих тебя, был замечен, если тебе негде жить, а значит, ты будешь использовать свое положение, если у тебя еще чего—то, то, простите, все. А сегодня? Сегодня даже не спрашивают, где ты работал".

Чтобы человек был действительно политическим лидером, он должен уметь соблюдать "правила игры", уметь работать политически. Что это значит? По мнению Сенькова "Правила игры новыми быть не могут. И если я баллотируюсь от "Выбора России", например, то должен исполнять все

решения "Выбора России". Правила игры такие: "Слушай, вот это дело надо завалить. И ты должен быть уверен, что даже если голосование будет тайное, супертайное, проголосуют как надо. Когда мы собрались с вами, договорились, то все должны потом эту договоренность соблюдать. И это никакое не ущемление демократии. А сейчас уже такого нет. Вот он приходит в президентскую команду, а сам потихоньку информацию перебрашивает. Правила игры, если их кто-то переступает, то разговаривают с ним очень жестко".

По мнению Сенькова, раньше "работать умели" и соблюдали правила игры. В результате все получалось. "Мы поставили задачу, чтобы народным депутатом стал Е. И он им стал. Мы очень сильно отсекли А., К. завалили. И добились чего хотели".

Для Ильина также одним из показателей "квалифицированности" команды являлась ее способность проводить свои решения в жизнь. "Была команда хороших, квалифицированных людей. Они решили, что двигаться должен я. И я двигался. Была группа сторонников и они провели соответствующую деятельность. Это такой стандартный путь, который больше распространен там, где нормально развивается демократия:"

5. Вопрос о качестве жизни

Хорошо ли жили первые секретари "последнего замеса"? Чтобы определить "хорошо" или "плохо" мы задали им вопрос о том, что определяло качество их жизни? И сравнивая свою жизнь раньше и теперь изменилось ли это качество и в какую сторону?

Все бывшие первые секретари единодушно назвали первым и самым важным фактором, определяющим качество жизни "интересную работу". Вторым и третьим по значимости фактором назывались материальный достаток, стабильность положения и уверенность в будущем, а также семейное благополучие. Только двое из опрошенных поставили материальный достаток на первое место (Мартынов и Шанцев). "Материальный достаток — самое главное. Это определяет и престиж в обществе, и благополучие в семье, и круг друзей" — сказал Мартынов. А потому только один из опрошенных (Шанцев) ответил, что его качество жизни улучшилось. "Я считаю, что сегодня живу лучше, чем раньше. Я сейчас, например, могу купить многие вещи, которые хочу купить, и которых не было раньше. Зарплата сейчас 200 тысяч, а с января будет 400 тысяч (на декабрь 1993г.) Потом, жена работает в банковской структуре, много получает". Мартынов же, хотя и стал исключительно преуспевающим бизнесменом, не был столь категоричен в оценке своего качества жизни раньше и теперь.

Брячихин не называл материальный достаток решающим фактором в определении качества жизни, хотя, конечно, и "без этого нельзя". "Вот качество моей жизни что определяет? У меня есть все для счастливого человека, все, для того, чтобы сказать, что я качественно живу. У меня есть друзья. У меня есть враги. Это — нормальное дело. У меня есть семья, дочь, жена, с которой мы 25 лет вместе прожили. Пока мое счастье в работе, и у меня это получается. Я работал в области у Конотопа, в городской системе у Гришина, потом у Ельцина, потом у Зайкова, у Прокофьева, у Попова, у Лужкова. И меня трудно упрекнуть в подбострастии. Я —специалист по управлению и я считаю, что это и есть качество жизни — чтобы человек состоялся по своим потребностям и взглядам". Вместе с тем, по мнению

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Брячихина, качество его жизни сейчас равноценно качеству жизни раньше, а именно в 1974 г. Ведь "материально я только сейчас достиг того, что было в 1974 г., когда работал заместителем начальника областного управления мясной промышленности". Таким образом, Брячихина также можно отнести к тем из бывших первых, кто считает реально материальный достаток фактором, определяющим качество жизни.

У всех остальных мнение о качестве жизни было не столь однозначным. Сравнивая качество жизни "раньше и теперь" многие из бывших сочли, что качество жизни в целом изменилось мало. "Было среднее и осталось среднее" (Пантелеев). "Приблизительно одинаковое, во всяком случае сопоставимо" (Мартынов). "Было, пожалуй, несколько выше" (Ильин). "Раньше было между "хорошее" и "среднее", а теперь между "среднее и плохое" (Бедрин), так как "работа стала явно менее интересная, а материальный достаток приблизительно тот же".

Из всех возможных ответов о качестве жизни явно выделяется ответ Потапова, который внутренне не отделяет свое качество бытия от всего, что происходит вокруг. И раньше его ответы и суждения наводили на мысль о том, что этот человек искренне переживает за других людей, что его партийная деятельность вдохновлялась идеей о возможности реально помочь людям. А потому его ответ о качестве жизни не показался нам неожиданным. "Нельзя ответить однозначно. Интересная работа — у меня сейчас ее нет. Да и вокруг качество жизни очень плохое. Поэтому мое качество жизни во многом зависит от того, что творится вокруг меня. Раньше у меня качество жизни было хорошее, а теперь плохое" (Потапов). Изменилось качество жизни к худшему и у Кисько, так как "в работе нет уверенности", а что касается материального достатка, то он тот же, "если три нуля отбросить".

Таким образом, мы видим, что по субъективным оценкам качество жизни бывших первых секретарей в принципе изменилось мало. И если есть крупные потери после 1991 года, когда партию ликвидировали, то это прежде всего потери моральные.

На вопрос о том, что вы приобрели и что потеряли после 1991 года, подавляющее большинство бывших первых ответили, что "потеряли с точки зрения моральной", что самые большие потери связаны с политикой Ельцина в целом, а не с потерей стабильности, престижа и материальными благами. Хотя, как отметила Кислова, она "два года просто нищенствовала и даже продавала кое—какие вещи от мужа втихую".

Но если в целом качество жизни особенно не изменилось до и после 1991, то был ли вообще этот год переломным в судьбе бывших первых? Кажется на первый взгляд, что сомневаться в том, что 1991 год, год ликвидации партии и распада Союза является определяющим в судьбе людей, непосредственно с партией связанных, просто нелепо. Однако...

"Был ли 1991 год важной вехой в Вашей судьбе?" — "Я бы не стал говорить, что в моей жизни что—то принципиально изменилось. Обидно было за городскую партийную организацию. То, что была разгромлена партия было для меня, конечно, в определенном плане трагедией. И эту трагедию я связываю прежде всего с руководством МГК" (Потапов). " В

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

моей жизни ни в 1985 ни в 1991 ничего не изменилось" (Пантелеев). Такие высказывания можно признать типичными.

Гораздо большее значение придавали бывшие первые 1985 году, связанному с горбачевскими преобразованиями и приходом в МГК Ельцина с его новой кадровой политикой. Многие из бывших первых секретарей "последнего замеса" были обязаны своим назначением на должность первого непосредственно Борису Николаевичу (Брячихин, Кислова, Пантелеев, Бедрин, Сеньков, Шанцев, Вартазарова). Однако этот вовсе не значит, что эти бывшие первые приветствовали ту политику, которую стал проводить Ельцин в дальнейшем, что они испытывают к нему чувство признательности или питают большую любовь. В целом можно сказать, что их первое впечатление от Ельцина как смелого новатора в деле партийного строительства было явно позитивным, "воодушевляющим". Однако вскоре наступила настороженность и разочарование. 1991 год превратил бывших первых из сторонников или "нейтралов" в противников Ельцина. И дело не только в ликвидации партии, но и в не меньшей степени развале Союза. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

"Важной вехой в моей жизни был в первую очередь 1985 год. Мы, молодая часть руководителей районных партийных организаций восприняли приход молодого энергичного руководителя с воодушевлением. И я помню, мы очень хорошо встретили приход в городскую партийную организацию Б.Н.Ельцина. Единственно, что пугало — это очень много было заявлений с очень коротким сроком реализации, например, насытить рынок товарами за полтора года и т.д. С приходом Ельцина нас обуял безудержный оптимизм. Изменилась внутривнутрипартийная жизнь. Обсуждали характеристики на бюро райкома и говорили в лицо те недостатки, которые человек о себе знал, но никто ему этого никогда не говорил. Это была не стандартная характеристика, а она раскладывала его и политические качества, и деловые, и моральные. И через год — смотришь, что—то в человеке изменилось! Были такие случаи, когда партийная организация отказывала в доверии директорам."

Старшее поколение бывших первых приход Ельцина в МГК восприняло с некоторым опасением. И даже те из старшего поколения партийцев, кого Ельцин назначал сам на должности первых секретарей, не торопились впасть в эйфорию. "Ельцин, придя в МГК, производил очень неплохое впечатление взвешенностью, попыткой решать вопросы, которые давно лежали, — вспоминал Бедрин, один из представителей старшего поколения, — Но потом пошла скрытность, таинственность в перестановке кадров. Я этого не понимал. Тогда я относился к этому с настороженностью, а сейчас — с осуждением. Я его и тогда считал человеком с большими амбициями, авантюрными амбициями, человеком, который радостен от разрушения. Он переставлял, разрушал, а дальше мертвое поле". Не смотря на то, что, по словам Бедрина, он во многом симпатизирует Ельцину, "он не враг мне. Он на меня опирался, работал. Он ведь призывал: "говорите", "критикуйте", и искренне это иногда делал. Но подспудно помнил, кто ему что поперек сказал. И потому он не мог создавать вокруг себя действительно творческий, разносторонний коллектив".

Единственным человеком из бывших первых, кто с определенной симпатией отзывался о Ельцине, была Кислова. "Я его хорошо знала. Это человек очень ранимый. Он абсолютно не сексуальный мужик, это провал такой. Но он человек, который очень умеет быть благодарным. Кто был с

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

ним в трудный момент — уже все для него. И все закрывается — сволочь он или не сволочь, вот он был с ним и все. Вот как Полторанин".

По мнению Шанцева, которое можно в определенной степени считать типичным для бывших первых, стремительная замена старых кадров в партии Ельциным совершалась "исключительно для одной цели — чтобы ослабить партию. Но в то время трудно было предположить такое предательство. Ведь кадры меняли по два, по три раза на одном месте в течение года. Рубка шла кадров. Но, конечно, если бы люди в МГК были иные, воспитанные с самого начала системой, как, например, Гришин, а не амёбообразный Прокофьев, то они бы и не дали городской партийной организации просто так сдаться." Шанцев был убежден, что идея развала партии путем замены кадров исходила не от самого Ельцина. "Ельцин был исполнителем. Я думаю, что это исходило от Горбачева, от Яковлева. И это было по всей стране. Посмотрите тогдашние газеты — сняли одного секретаря обкома, другого. Это было как соревнование — кто больше кого снимет." И в этом соревновании Ельцин, по мнению многих секретарей, преуспел.

Не случайно поэтому, что многие даже из молодых, если и не поддержали ГКЧП, то не торопились оказать поддержку Ельцину, они не голосовали за него и на последующих выборах.

Но почему же партийные работники так спокойно отнеслись к указу о ликвидации партии? Почему не вышли на улицы? Не стали митинговать? Почему не было всплеска протестов ни среди работников райкомов, ни среди простых коммунистов?

"Многие сознавались, что мы тут зажрались. Народ был напичкан антипартийной пропагандой" — говорил Кисько. Не вышли и не протестовали потому, что "все устроились за несколько дней". Наиболее интересен ответ, на наш взгляд, Кисловой, которая сказала: "Ну и естественно, что не было активной реакции. Да это потому, что мы жили только по команде! А здесь команды не было, — разрушили командование—то. И раз не было команды сверху, то все рассыпалось, как карточный домик. Вообще коммунисты были по сути своей очень пассивны. Аппараты были сильные, а коммунисты — не всегда".

6. Политические ориентации

Второй блок вопросов нашей анкеты был посвящен выяснению политических ориентаций и взглядов бывших первых секретарей. Сюда входили вопросы об отношении к формам собственности, отношении к распаду СССР, — был ли он неизбежен, об идеальном политическом устройстве для России, ее национальных интересах, политических симпатиях и антипатиях, принадлежности к какой—либо партии и движению, перспективах политической деятельности. Анализируя ответы на эти вопросы, можно прийти к следующим выводам.

Проблема собственности

Если вопрос о собственности всегда решался однозначно в марксистско — ленинской идеологии, и постулат о общественной форме собственности воспринимался как нечто само собой разумеющееся, то в последние годы бывшие первые секретари пересмотрели свои взгляды и не являются более убежденными сторонниками общественной собственности, Это относится и к старшему и к молодому поколению бывших первых,

Подавляющее большинство из них в той или иной форме высказались за смешанную форму собственности.

"Раньше я был как и все, убежденным сторонником коллективной собственности. Но потом, изучив современные материалы, понял, что частная собственность дает зачастую больший эффект. Но это должны решать люди и время. Не должно быть одной направленности" (Потапов).

"Главное — эффективность труда. А она не определяется формой собственности. Общество считается эффективным только по одному критерию — кто меньше сделал бесполезной работы" (Шанцев).

"Частная собственность должна быть. Я не помню, как там в программе Зюганов написал, я, может быть, противоречу, но по жизни это так. Если бы наша партия, Горбачев начали бы потихонечку отдавать обслуживание, торговлю в частные руки, мы бы только выигрывали как коммунистическая партия. Но крупное производство должно быть государственной собственностью. Все ясно здесь, да вот запустили к чертям" (Бедрин). По его мнению, рынок и частная собственность должны сочетаться с коллективными формами собственности прежде всего в сельском хозяйстве. "Если мы не будем на колхоз,— я условно его так называю,— на общину опираться, на коллективные формы собственности на земле, в промышленности, в творчестве, не будет России и не будет ничего". По его глубокому убеждению, приверженность коллективным формам у русских в крови и нужно учитывать национальные особенности. "Вот разрушили Советы, сейчас муниципальную ерунду выдумывают. Да это же не для нас!"

"Из немногочисленных моих поездок за рубеж я понял, что рыночная экономика это устройство гораздо более сложное, чем плановая экономика, она требует специального образования. Как и демократия — тоже требует высокой культуры и лидера, и населения. И эта новая система требует многих качеств, которых у нас еще пока, к сожалению, нет, плюс еще честности и объективности по отношению к себе" (Ильин).

"Спасая государственную собственность надо давать возможность и развитию частной собственности" (Мартынов).

"Я за то, чтобы были все условия для развития всех видов собственности" (Кисько)

"Да, частная собственность должна быть обязательно. А процентное соотношение государственной и частной определит жизнь" (Пантелеев).

"Я за ту форму собственности, у которой есть хозяин. Это может быть и частная, и другая. Сейчас трудно сказать. Но с собственником надо работать. Мы меняем тип государства и уклад жизни. Это — революция" (Брячихин).

"Для меня, конечно, раньше частная собственность — это что—то. А сейчас думаю, конечно, нужен плюрализм форм собственности" (Кислова).

Однозначно за общественную форму собственности и против частной высказалась лишь одна Жукова, продолжающая строго придерживаться марксистско—ленинской идеологии.

Таким образом, вопрос о собственности не является в настоящее время "лакмусовой бумажкой" для выяснения политических ориентаций бывших первых секретарей.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Были ли распад СССР неизбежным?

На этот вопрос бывшие первые отвечали по-разному. Четверо из всех опрошенных высказали мнение о том, что распад Союза был неизбежен. Но в каком смысле? "Я думаю, что распад Союза был неизбежен, — говорил Брячихин, — Хотя потери и кровь могли быть меньшими. Новые государства построены на национализме и погасить это будет трудно".

По мнению Мартынова, "был неизбежен не распад, было неизбежно прекращение иждивенчества, нужна была большая самостоятельность регионам и республикам".

"Фактически распад был неизбежен после того парада суверенитетов, который пошел... Что взамен? — Федеральное устройство. То, что предлагал Троцкий — штаты, губернии" (Потапов).

Для большинства бывших первых распад Союза не был неизбежен. Крайне отрицательно относясь к этому распаду, они обвиняют в нем непосредственно Ельцина. "Распад произошел из-за личных амбиций Б.Н." — сказал Кисько.

Этот распад "не был неизбежен, его можно было, избежать. Ни экономической, ни социальной подоплеки не было, а были люди, которые к этому толкали" (Ильин)

Этот распад — "надуманность. Это борьба с Горбачевым. Борьба за собственную независимость Ельцина, Кравчука и Шушкевича. Я думаю, что к единому Союзу опять вернемся. Но в другой форме. Не знаю, что это будет — федерация, конфедерация, но будет" (Бедрин)

Пожалуй, самую жесткую оценку дал распаду СССР Шанцев. "Развал Союза — это и есть настоящий путч. Настоящими заговорщиками были Ельцин, Кравчук, Шушкевич, а вовсе не те, кто сейчас в тюрьме. Я бы их арестовал на месте Горбачева. Разрушили такой экономически сбалансированный механизм. Это глупость несусветная. Это и было предательство, предательство после путча, настоящий путч. А Горбачев сделал попытку устранить партию с политической арены еще в 1985 году. Как говорил мне один из секретарей райкома: "Мы в поезде, который ведет Михаил Сергеевич, и все время едем на красный свет. А Горбачев вдарил в августе 1991, нашел дурачков. Он создал эту группу сам, еще в январе 1991. И по этому вопросу есть решение Политбюро. И все это — к решению о чрезвычайном положении. А Горбачев как опытный шахматист в августе ждал реакцию. А Ельцин все планы Горби знал заранее. И вот — развалили партию, развалили страну. Я вообще противник тех переустройств, которые происходят."

Национальные интересы России

Тем не менее, СССР "развалили" и приходится считаться с тем фактом, что мы живем в государстве, называемом Россией. Каковы ее национальные интересы? И что самое важное для России сегодня?

Обращает на себя внимание, что в ответе на вопрос о национальных интересах России, некоторые бывшие первые подчеркнули, что интересы России связаны с интересами русского народа, а не вообще всех "россиян". На интересы русского народа обратили особое внимание Ильин, Брячихин, Бедрин. Нам кажется это симптоматичным, так как воспитанные в традиции пролетарского интернационализма бывшие первые в целом были склонны не отождествлять интересы России с интересами русских и полагали в подавляющем большинстве случаев, что эти интересы связаны с экономиче-

ским благополучием, целостностью России как государства, ее мощью во всех отношениях. Эти же три бывших секретаря, двое из которых вообще являются наиболее динамичными, почувствовали некоторую тенденцию державности и "конструктивного национализма", которую и выразили. Особенно определенно сказал об этом Брячихин: "Я не националист. Но больше всех во всей истории пострадали русские. И все эти новые государства живут до сих пор за счет России. Я не националист, но у меня должно быть уважение к прошлому, к предкам, уважение к родителям. И я - за русский тип характера, русскую культуру, но не в ущерб другим".

Что самое важное для России сегодня?

С предыдущим вопросом органически связан вопрос о том, что по мнению бывших первых является самым важным для России сегодня, что насуточно необходимо для того, чтобы выбраться из кризиса. Респондентам было предложено выделить три основных момента, распределив их по степени значимости. В целом получилась следующая картина.

В качестве основных моментов в подавляющем большинстве случаев назывались: порядок, законность, стабильность, социальная справедливость, экономическое процветание и защита интересов русского народа. Один раз была упомянута терпимость и лояльность к людям, выражающим иные политические взгляды, но это было связано с определенной обиженностью респондента, который испытывал дискомфорт в антикоммунистически настроенном обществе, пытаясь отстоять свои коммунистические убеждения.

Из этих моментов на первое место по значимости вышли порядок и законность (в половине случаев) и экономика и социальная справедливость (также почти в половине случаев). Второе место заняло экономическое процветание и стабильность. Третье — единство и согласие в обществе, законность, стабильность и интересы русских. Интересы русских как самого важного фактора для сегодняшней российской жизни назвал только Бедрин, сказав, что сейчас самое важное — защитить интересы русских и "хоть раз на него посмотреть, поставить в центр внимания русский народ".

Для Шанцева, который определял качество своей собственной жизни по наличию материального достатка, самым главным для России также являются экономические проблемы: "Я считаю, что самое главное — экономика. Производить товары, услуги — это главное". Мартынов также проявил последовательность в ответе на вопрос об определяющем факторе качества его личной жизни и факторе, наиболее важном для России. По его мнению, важнее всего экономические проблемы. "Нужно добиться экономического процветания. Это главное. Для этого нужно взаимосвязано решить все остальные проблемы. И на определенный период возможно потребуется и более жесткая форма правления, не чрезвычайное положение, во очень жесткие меры в экономике".

Брячихин, как и некоторые другие бывшие первые, сказал, что он "не отделяет экономику от духовного состояния общества". Но если брать экономику, то главное здесь "чувство собственности. Хозяин собственности. Это — первое. От этого пойдет все остальное — и стабильность, и социальная справедливость." Он, как и многие другие, также отметил стабильность как насуточно необходимую потребность. "Чтобы министр не менялся раз в квартал при неработающей экономике".

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Политическое устройство

Для одной половины опрошенных предпочтительной представляется парламентская республика, для другой половины — президентская республика (но не с Ельциным во главе).

Для сторонников парламентской республики, которые чаще всего просто констатировали свое предпочтение и не давали развернутого ответа, наиболее типичными можно признать следующие суждения.

"Если помечтать, то, конечно, парламентская республика. Она оптимальная для России, но это — дело будущего" (Ильин). "Я сторонник коллективного руководства, парламентской республики. Я сторонник того, чтобы выбирали" (Кисько).

Для другой половины опрошенных, высказывавшихся за президентскую республику, было характерно желание дать развернутый ответ и обосновать свою точку зрения.

"Я однозначно поддерживаю президентское правление, но не связываю его с каким — то конкретным человеком. Мы не можем сейчас себе позволить, может быть, в силу русского характера, парламентской болтовни. Системе управления нужен президент, "государь" — однозначно. И тогда аппарат, структура — все станет на свои места" (Брячихин).

"На этом этапе я не прочь, чтобы в России было государственное устройство покрепче, но с опорой на совещательные органы. Для России нужен все-таки один администратор, и жесткий" (Бедрин).

"Лучшее устройство — президентская республика. России нужна сильная власть "царя". А как только в ее истории появляется слабый "царь", сразу же начинается смута" (Сеньков).

Некоторые бывшие секретари колебались дать определенный ответ. "Каждые полгода я меняю свое отношение... Казавшееся хорошим — не подходит, подходящим — не срабатывает" (Мартынов). "Президентская республика еще год—два назад казалась хорошей формой. Но она пока себя еще не показала" (Пантелеев). В целом можно сказать, что даже "колеблющиеся" в своем мнении тяготели более к такой форме правления, при которой могла осуществляться сильная власть "царя".

Симпатии и антипатии к политическим лидерам, партиям и движениям

То, что бывшие первые посвятили значительную часть своей жизни коммунистической партии, вовсе не означает, что и сегодня они продолжают оставаться членами этой партии и поддерживать лидеров КПРФ. Многие из бывших первых вообще не принадлежат ни к какой партии и никакую партию или движение не поддерживают.

"Я ни к какому блоку ни к партии особой симпатии не испытываю. А их и нету. Это люди, которые представляют сами себя. Никаких партий нет. И люди одни и те же, колода карт одна и та же. Вы посмотрите на микрию этих лидеров — они то туда, то сюда" (Брячихин).

"Я не принадлежу ни к каким политическим партиям и блокам". "Не вижу такой партии, к которой можно испытывать симпатию" (Пантелеев)

Более половины из опрошенных не могли сказать определенно к какому из ныне действующих политических лидеров они симпатизируют. Зато почти все назвали симпатичного им политика за границей. Им оказались Маргарет Тетчер, Коль и Рейган. При этом "железная леди" оказалась

популярнее всех остальных. Ее называл каждый второй из всех опрошенных бывших первых секретарей.

Но вернемся к российской действительности. Около половины бывших первых так или иначе связаны с КПРФ Зюганова, хотя никто из них и не высказался за полную поддержку нынешнего курса партии, полностью одобрили деятельность ее лидера. У всех, кто является членом КПРФ или связан с нею были определенные претензии к ее руководству.

"Не надо меня относить к Нине Андреевой, но я все-таки считаю, что самое верное учение это коммунистическое учение. Я — член КПРФ, но не во всем согласен с Зюгановым. Однако никакой другой партии для себя не вижу" (Потапов).

"В России не вижу того, кто мог бы называться политическим лидером, как бы себя не преподносил. В том числе и Зюганов, пусть он на меня не обижается... Политический лидер фигура для меня сложная, и политика сейчас действительно грязное дело. Из наших у меня никто особых симпатий не вызывает... Я вот встречался с коммунистами, с Зюгановым. Он нормальный, порядочный человек. Но ведь за ним ничего нет. Потому что программа их, идея — все правильно, но только отчетности никакой перед рядовыми членами" (Брячихин).

"Я проголосовала за Зюганова. Хотя я знаю, что не доживу, что партия придет к власти. А если сейчас и придет, то будет катастрофа. Она оппозицией должна быть. Потому, что она ничего созидательного не предлагает пока" (Кислова).

"Мне симпатичны многие в КПРФ. Я хорошо знаком с Зюгановым, он стал более зрело смотреть... Масса коммунистов, я думаю, воспримут социал-демократов. Мы помогали социалистической партии — Медведеву, Вартазаровой. Я симпатизировал также "Гражданскому Союзу" (Кисько).

Необходимо отметить, что отношения с КПРФ у бывших первых сложились довольно непростые. Так, Кислова, например, при всем своем критическом отношении к КПРФ не порвала с партией. "Я не перевертыш, — сказала она, — и не вышла из партии. Но я не хочу, чтобы партия была такой, какой она была раньше. Она должна быть очеловеченная партия. Она не должна быть государственной, как раньше. Но в моем представлении время партии уже ушло. И я уверена, что не доживу до тех пор, когда будет воссоздана компартия в социал-демократическом понимании. Социал-демократическая партия — выход. Но меня многие осуждают за это мнение. Говорят — ренегат".

Действительно, в "ренегатстве" обвинялись многие из бывших первых секретарей. И даже те, кто ратует за реформирование партии, за ее диалог с социал-демократией, настороженно относятся к "обновленцам" типа Вартазаровой или Брячихина. "Брячихин — мужик интересный, стремится к новому, но он очень склонен меняться. Я думаю, он смог бы оказаться у руля формирования той партии, за которую он стоял, она — типа зюгановской... Мне кажется, у него понимание реформирования партии было во многом правильное" (Бедрин).

Другая часть бывших первых ориентируется не на КПРФ, а на ряд иных партий. Почему? Как объяснил свою позицию Сеньков "Что касается коммунистов, я слишком хорошо знаю тех, кто баллотируется. Я их слишком знаю, чтобы не голосовать за них". Его симпатии на стороне "Гражданского 'Союза". Предпочтение "Гражданскому Союзу" после КПРФ отдали и еще двое из бывших первых — Кисько и Шанцев.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Из политических лидеров этого спектра наибольшей симпатией пользуются Скоков, Вольский, Владиславлев, Зюганов, Рыбкин.

Некоторые симпатизируют "ЯБЛОКУ" (трое из опрошенных). Но это не значит, что Явлинского поддерживают безоговорочно.

"Я очень много ставил на Явлинского. Но его неумелая тактика в предвыборной борьбе меня насторожила. Я также во многом согласен с Жириновским, в чем — то с Шахраем" (Мартынов).

"На выборах я голосовал за "ЯБЛОКО". Не потому, что я являюсь их приверженцем, а потому что из всего набора они самые приличные" (Колесов).

"Симпатии у меня на стороне аграрной партии, КПРФ, ДПР, отчасти "ЯБЛОКА" (Ильин).

Только один из опрошенных признался в симпатии к Гайдару. "Симпатия — Гайдар, он мне иногда симпатичен разумными высказываниями, иногда, правда, — нет" (Пантелеев).

У двух других симпатии связаны с политическими деятелями, бывшими из игры. "Симпатия — к сожалению сейчас нет такого. Вот если бы Рыжкова вернуть" — сказал Бедрин. А Ильин высказался за бывшего председателя Конституционного Суда. Его симпатия "как ни странно, — в собирательном образе Зоркина. Он больше отвечает требованиям с точки зрения законности, но меньше — как управленец".

Более четкая картина складывается в определении политических антипатий.

Несколько бывших секретарей высказали крайне отрицательное отношение к Ельцину. "Моя главная антипатия — Ельцин" (Ильин). "Мне антипатичен Ельцин и Жириновский" (Кисько). "Я виню Ельцина, крепко виню. Он может только разрушать и бороться. Если Ельцин будет долго руководить Россией — борьба начнется с турками, поляками, американцами" (Бедрин).

"Не нравится, крайне не нравится мне Гайдар. Крайне Ельцин. Не люблю экономистов, Бунича не люблю — дает рецепты, а политики отвечают. Аганбегяна не люблю. Политическому руководителю с ними крайне трудно. Потому что они приходят и уходят и у каждого своя теория. А решение принимать кому?" (Шанцев).

"У меня антипатии к команде президента, к Бурбулису и потом к Гайдару" (Мартынов).

"За "Выбор России" я бы не проголосовал никогда, потому что на экране — одно, а в жизни совсем другое". "Антипатия Гайдар. Без спроса разорить столько людей — это может только авантюрист или явный провокатор. Антипатичен очень сильно и Жириновский. Но при этом нельзя не признать, что Жириновский выдвигает лозунги, которые никто другой не выдвигает".

Антипатия — "Выбор России". Это блок научных специалистов, которые не прижились в науке, но страдают комплексом неполноценности. Таких надо держать в консультантах. У них вот — модель такая, а оценить их может только практик, который знает дело" (Брячихин).

Для Брячихина антипатичен также Руцкой: "Я, честно, не понимаю Руцкого. Он хороший боевой офицер, но когда начал заниматься экономикой и строить партийное дело — это чушь была несусветная. Он в этом не компетентный и не понимает дело".

В число людей, антипатичных бывшим первым, попал и Собчак. "Я не очень воспринимаю Собчака. Жаль, что такой город имеет такого мэра" (Кислова).

Таким образом, политическая ориентация бывших первых секретарей свидетельствует, во—первых, о том, что среди них не наблюдается сколь—нибудь значительного единодушия в политических ориентациях и предпочтениях. Несмотря на то, что около половины из них продолжают поддерживать более или менее тесные связи с КПРФ и не сдали свои партийные билеты, нельзя говорить ни о их безоговорочной поддержке Зюганову, ни о единстве в тактике и стратегии реформирования компартии. Налицо взаимные обвинения в ренегатстве или, напротив, ортодоксальности. Тех, кто ушел или оказался в той или иной степени близок к социал-демократии подвергают жесткой критике. С другой стороны, большее единодушие бывшие первые проявили в своем неприятии политических лидеров и партий. Во всяком случае антипатии высказывались более определенно и категорично, расплывчатых ответов и неопределенности, как при ответе на вопрос о политических симпатиях, не было. Чаще других назывались в качестве антипатий Ельцин, Гайдар и Жириновский. Впрочем, говоря о Жириновском почти все секретари отметили, что за ним стоит очень грамотная команда и что лозунги, которые он провозглашает, во многом правильнее.

7. Что стало с бывшими первыми после 1991 года?

Что стало с первыми секретарями после ликвидации партии? Как они адаптировались к новой жизни? Чем занимаются сейчас?

Во многих случаях после 1991 года бывшие первые, совмещавшие свою работу в райкомах партии с работой в качестве председателей райсоветов, плавно перемещались в райсоветы, где и оставались до их ликвидации по указу Ельцина в 1993 г. Как говорил Потапов: "На конференции, когда меня избирали, было сказано, что я должен умереть вместе с советами. Вот я сейчас в ликвидационной комиссии."

Райсоветы после 1991 г. вообще вобрали в себя большое количество райкомовских кадров, которые прекрасно сознавали, что райсоветы являются для них лишь временным пристанищем, что и их в скором времени ликвидируют. По свидетельству Кисько, "многих из райкомов взяли в аппарат Совета, многие попали в исполнительные органы и работали в префектурах. Многие уходили или сразу из райкомов или уже из райсоветов в новые интересные структуры. Было очевидно, чем закончится все это". Сам Кисько не пошел в районный совет, когда Ильина "взяли зам.префектом Восточного округа" потому, что "не хотел временной работы".

По словам самого Ильина, после 1991 г. "многие из партийных секретарей стали председателями или сопредседателями советов. Да и во — эще ничего такого крутого не происходило. Те, которые в Москве пошли работать в новые структуры — в банки, кооперативы — они понимали, что это вынужденный выбор. Идти на крупные промышленные предприятия, даже которые тебе нравятся — ты несешь пятно после августа 1991".

Так или иначе, но и перед теми, кто не хотел "временной работы" в советах, и перед теми, кто пошел в советы, с определенного момента возникла ситуация выбора. Куда уходить? Можно было уйти в новые ком —

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

мерческие структуры, можно было в префектуры и другие органы исполнительной власти Москвы. И там и там были налаженные связи, сидели "свои люди". По крайней мере, как выразился Ильин, все определялось "лично — доверительными отношениями", которые практически всегда "срабатывали". Можно было, в конце концов, заняться и чисто политической карьерой, сделав ставку либо на родную компартию, либо на какую — то близкую к ней, как, например, Социалистическую партию трудящихся. Кто — то предпочел и просто пенсию. Но их всех вариантов самыми распространенными были первые два — либо исполнительная власть, либо коммерческие структуры.

Первый вариант — работа в органах исполнительной власти Москвы привлекла приблизительно около трети, а может быть и более трети всех бывших первых г.Москвы (из опрошенных нами их было пятеро). Эти бывшие первые, также, впрочем, как и их бывшее ближайшее окружение, — вторые, третьи секретари и зав. отделами райкомов, — органично вошли в руководящие органы Москвы. Двое из опрошенных нами бывших первых, стали префектами (Западного и Восточного округа), двое других — заместителями префектов. Некоторые из бывших первых занял руководящие позиции в правительстве Москвы и других структурах так или иначе связанных с управленческой работой города. Нам кажется знаменательным, что пять человек из пятнадцати опрошенных занимают ныне ключевые позиции в префектурах города. Возможно, кто — либо из них в будущем может стать мэром города или сделать еще более солидную карьеру.

Другой вариант адаптации к новым условиям — вхождение в разного рода коммерческие структуры. Это могут быть Акционерные Общества разного типа (как, например, Российский Авиационный Торговый Дом и российско — турецкое АО, занимающееся торговлей и туризмом. И там и там Кисько занимал должности генерального директора), Совместные Предприятия, как на заводе Бедрина, или СП, куда ушел еще до 1991 г. бывший первый Октябрьского района Кубрин, Концерны, изредка банки и биржи (как, например, Международный Биржевой Союз, в котором Колесов был долгое время генеральным директором), частные магазины (как, например, организованный Мартыновым магазин и ярмарка стройматериалов), различные другие коммерческие структуры и объединения при различных Министерствах и организациях как частных, так и государственных.

Семь человек из опрошенных, то есть почти половина, оказались связанными с этими новыми коммерческими структурами, заняв в них ключевые позиции (генерального директора, председателя правления, главы коммерческой службы и т.д.) По их свидетельству, более половины райкомовских работников высшего ранга ушли в подобные структуры.

Характерно при этом, что в основном бывшие первые становились во главе коммерческих структур, например, АО, которые образовывались на госпредприятиях. Бедрин рассказывал, что после 1991 года он получал различные предложения. Его приглашали на должность зам.директора крупного предприятия в его родном Ленинградском районе, на директора проектной организации, но он не торопился с трудоустройством. В конце концов он решил отправиться на свой завод, с которого в свое время ушел на партработу. "С заводом я, конечно, потерял связь давно, но все же бывало заезжал. Думаю — вернусь сюда, людей знаешь, тебя знают, и уже не важно, в каком качестве вернусь. Хотел среди своих быть и вернулся. Но не собственно на завод, а на совместное предприятие, одним из учредителей

которого является завод. Я — заместитель директора этого СП. Юридически я вне завода, но фактически — на заводе. Здесь нужно было сделать производство, реконструкцию корпуса, надо было строительную часть закончить и также технологически — производственную часть. Работа много времени отнимает, но по сравнению с партийной работой она гораздо легче — и по кругу вопросов и по времени и по нервам".

Таким образом, эти СП и АО выполняли функции адаптации госпредприятий к новым рыночным условиям, были их "капиталистическими" органами. И именно бывшие первые секретари, которые были призваны партией быть оплотом в борьбе с капиталистическим миром, волею судеб оказались на передовиками в "капиталистическом строительстве". Это свидетельствует во всяком случае о том, что эти люди, действительно являясь управленцами экстра класса, обладают особым динамизмом, способностью к адаптации, гибкостью и энергией, которых, возможно, не так много у обыкновенных сограждан среднего поколения.

Но означает ли эта гибкость беспринципность и измену своим идеалам? Именно так оценивают уход бывших первых в префектуры и тем более в коммерческие структуры соратники по партии, считая их "предателями". Отвечая на этот вопрос Колесов сказал: "Есть две проблемы — профессиональные качества управленцев, это — вне политических пристрастий. Вот если Шанцева сейчас префектом поставить, он будет там очень хорош, независимо от своих политических воззрений. Но мы все так или иначе политически окрашены. И мы заражены политикой — это неизлечимо".

Таким образом, профессиональные качества управленца как правило не приходили в противоречие с политической ориентацией, и занимаясь новым делом в коммерческой структуре, человек мог продолжать служить делу партии. Так, например, произошло с Мартыновым, который, став крупным бизнесменом, смог выделить огромную сумму на проведение избирательной кампании Зюганову. Лишь в редких случаях человек испытывал внутренний конфликт. "Нельзя быть профессионалом, имея неправильную цель, — говорил Шанцев, — Может быть, я в ближайшее время буду работать в управлении, но знаете, мои принципы остались прежними. Меня приглашали туда работать, — в управление, — но прийти я туда не могу, так как я не согласен".

Интересно, что, став предпринимателями, но при этом сохранив свою приверженность компартии, некоторые из опрошенных, как, например, Мартынов, не считают изменой коммунистическим идеалам свое нынешнее занятие, но осуждают тех, кто, перейдя на работу в префектуры, пытается делать еще и политическую карьеру вне компартии: "Вот люди типа Брячихина или Пантелеева — я их после ряда шагов перестал уважать. Это позиция флюгера. Они противоречат многим своим прежним высказываниям накануне пленума горкома". Вместе с тем, по его оценке, "в префектуре порядка пяти процентов — это профессионалы, опытные люди, такие, как глава нашего микрорайона Горчаков, он работал раньше в МГК; и его сейчас уважают, независимо от его прошлого опыта. А 70 процентов — это как ракушки, которые прилипают к идущему кораблю, и им все равно, что это за корабль".

Важно отметить, что, уходя в коммерческие структуры после 1991 г., то есть после ликвидации партии, и после 1993 г., после ликвидации советов, бывшие первые имели не только налаженные связи, — их основной козырь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

при адаптации к новым условиям, — но и опыт работы в коммерческих структурах их ближайших сподвижников, переместившихся туда ранее. Многие райкомовцы из "верхней девятки" (то есть три райкомовских секретаря плюс заведующие шестью райкомовскими отделами) уходили в коммерческие структуры до путча. Так, например, по словам Киско, один из бывших зав. отделом его РК организовал фирму по торговле автомобилями еще до 1991, другой также имеет крупную фирму на РТСБ. Но это не значит, что они имели партийные деньги в качестве первоначального капитала. В отличие от "сливок" партноменклатуры ЦК и Политбюро их первоначальным капиталом были, прежде всего, связи. Не отрицая использование партийных денег в качестве первоначального капитала на высших уровнях, Киско утверждал, что "отмыв денег на уровне города вряд ли был, а на уровне района — конечно, нет. Поэтому и ему и многим другим из райкомовских работников, начинавших свое дело, было трудно: "Многие люди адаптировались сложно. И не могу сказать, что моя фирма процветала. Для этого воровать надо".

Подробно рассказали нам об адаптации бывших первых к новой "коммерческой" жизни представители "молодого поколения" бывших первых — Мартынов и Ильин. Их суждения заслуживают особого внимания, так как по сопоставлению с другими данными и высказываниями других бывших первых, объективно отражают действительность.

По словам Ильина, "проблема у тех людей в основном, кто не может по—новому взглянуть на ситуацию. В целом "люди которые работали в партийной сфере не испытали больших трудностей, перейдя в новые структуры, — фактически, отбросили всякие идеологические дела... А что там, что здесь — огромное поле — контакты, связи, а на этих контактах уже можно выстраивать всякие схемы. Хотя мне не известно ни одного человека из партийных работников, который находился бы на сугубо первых ролях в большой коммерции, или который сбил бы себе большое состояние. Вот этого я не знаю ни одного. Но тех, кто нормально работает, то есть нашли себя в этом — довольно много. Не шикуют, но довольно стабильно живут. Это будет, наверное, процентов 30 из партийных работников. Потому что я не знаю никого, ну, может быть, 5 — 6 женщин, которые вообще были бы против преобразований, реформ."

По его оценке, та органичность, с которой бывшие первые и их окружение вписывались в новую жизнь была обусловлена тем, что "люди занимались тем же самым делом, все это были в основном управленцы. И постепенно в партии к руководству приходили управленцы. И вообще считалось во время Ельцина, (то есть когда Ельцин был 1 секр. МГК — авт.) что в райком партии надо взять директора предприятия. Он настойчиво эту линию проводил. Поэтому когда наступил период ожесточенной политической борьбы, многие к этому по — человечески оказались не готовы."

Вместе с тем, у многих были трудности, связанные с отношением окружающих их людей к коммунистам и бывшим партработникам. "Мне хотелось работать в Зеленограде, были серьезные предложения, но работать пришлось в Москве,— говорил Ильин, ставший зам. префекта Там, в Зеленограде, могли показывать пальцем, хотя я не понимаю, в чем я провинился. У одного из моих знакомых я оказался в одном концерне, не буду его называть, потому что ушел оттуда полтора года назад. Ушел сознательно. Я увидел весь наш рынок в Москве, и если дальше так будет продолжаться, то это самое ужасное. Если в таком ключе будет капитализироваться вся эта

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

часть... То есть, есть легальная часть, и нелегальная. И вот нелегальной по моей оценке занимаются 30%. И работают не только люди, но и целые коллективы. Да, получают хорошие деньги за это. Это — проблема."

Приблизительно такую же оценку адаптации бывших первых к новым условиям дал и Мартынов. Он рассказал о том, что "в 1990 — 91 гг. в низовых звеньях парторганизаций (районов) многие уже уходили на другую работу, почувствовали, что здесь не самое сладкое место — нет привилегий, зарплата уж точно проигрывает зарплате в нарождающихся кооперативах. Поэтому многие, используя свой хозяйственный опыт в районе, устраивались на более теплые местечки. Имея определенный управленческий опыт, он (то есть подобный бывший партработник — авт.) успевал себя проявлять — начиная с руководителя среднего звена — и многие доходили до ранга зам. руководителя. Некоторые — возвращались на свои прежние предприятия. По словам Мартынова, "там, где госпредприятие отпочковывало от себя дочернюю коммерческую структуру и наделяло ее помещением или начальным капиталом — это было немного иначе". Видимо, как в случае с Бедриным.

Мартынов заметил, что "в партии шла дискуссия о возможности заниматься коммерческой деятельностью. Но проигрыш по сравнению с кооперативами был уже тогда — полтора— два года назад (то есть после 1991 года). И многие начинали этим заниматься по—дилетантски". Однако в целом бывшие первые и другие партработники высшего состава "люди были умелые и имеющие более обширные связи. Они могли привлечь капиталы, но только на том, что их знают, им верят. И это не соответствует должностным иерархиям (то есть то, что ты первый секретарь, а другому бы не дали), а зависит от того, что ты за фигура, кто тебя знал раньше."

Поэтому вопрос "Как устраивались первые секретари?", по свидетельству Мартынова, оказывается напрямую связан со временем работы в партии, в течение которого шло накопление полезных связей: " Чем больше стаж, тем больше был круг знакомых, тем больше знали, тем больше доверяли". Ведь "кадровая политика была тщательная и все первые секретари имели большой опыт работы с людьми. Мои второй и третий секретари ушли в коммерческие структуры. Я сделал практически в одиночку коммерческий магазин (на это ушел год). Пытался еще одну структуру создать. Потом принял решение не создавать собственное дело, а наняться к тем, кто имеет деньги. Вот сюда меня пригласил генеральный директор фирмы, которая занималась лоточной торговлей и имела магазин стройматериалов. Ярмарка стройматериалов — исполнительным директором."

Вместе с тем, по признанию Мартынова, такая работа — это не тот уровень, который нужен. "Как профессионал я себя не реализую, это не мой уровень. Мой — выше, общероссийский, межрегиональный. Для меня важна организация, этап организации, а уж будет производство гуталина или изучение китайского языка все равно."

Отмечая, что свою подлинную реализацию, пик карьеры он видит впереди, Мартынов сказал: "Будет сенат — буду сенатором, в политике или около политики. Место я себе найду, и я могу мыслить на уровне гораздо большем, чем в отдельно взятом магазине стройматериалов. Политика, — чистая политика,— меня не интересует. Я не согласен с Зюгановым. Год назад на городской партийной конференции обсуждался вопрос о том, чтобы 1 секретарем городской партийной организации стал Е.К.Лигачев. И это было очень интересно, потому что он смог бы примирить многие ком —

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

мунистические течения, объединить их, и это было бы достаточно сильное сопротивление демократическому движению.

"С другой стороны — он фигура одиозная, у него определенный имидж. Но если бы такое предложение было бы выдвинуто, я бы поддержал его обеими руками.

"Конюхова, Жукова — выступают так, что это будет или прежняя партия и прежний Союз, или мы не будем в этой партии. Это чисто ортодоксальная позиция".

"Я давал подписку в прокуратуре района, что не возобновлю без разрешения партийную деятельность. А потом последовал указ президента о возобновлении партийной деятельности.

"Несмотря на мои отказы, меня снова избрали 1 секретарем РК КПСС (в феврале 1993 года). В апреле был переизбран. Был вынужден уйти из — за обвинений ортодоксов.

"Сегодня я поддерживаю партию, перечисляю взносы в Правду. Но сегодня ни одну партию не поддерживаю. Я думал, что ПЭС будет защитником предпринимателей, но Боровой оказался несостоятельным как политик. Мне предлагали избираться в Гос. и гор. Думу от РКПРФ. Отказался — не та ситуация.

"Поддерживал Зюганова — с моей помощью предприниматели Москвы ему на избирательную компанию 50 миллионов перечислили. Я не исключаю для себя политическую карьеру. Интересен Жириновский. Это не политический клоун. Далеко уходить от компартии не хотелось бы. Возможно, когда —нибудь я вернусь в политику, на партийную работу."

Если уход в префектуру, другие органы исполнительной власти, — с одной стороны, и уход в коммерческие структуры, — с другой стороны, можно признать наиболее распространенными вариантами *life history* бывших первых после 1991 года, то третий вариант, — уход в политику, осуществили единицы. Наиболее показателен в этом отношении пример Вартазаровой.

Умная, красивая и обаятельная, Вартазарова сделала в свое время блестящую научную карьеру, став доктором наук в 1986 г. и возглавив научный совет по комплексным проблемам энергетики в Академии Наук, а затем большой отдел в одном из академических НИИ. В этом НИИ стала секретарем парторганизации. А потому оказалась делегатом партконференции Октябрьского района, где находился НИИ. На этой конференции она "произнесла какую-то пламенную речь. А уж как произносишь пламенную речь, так сразу попадаешь в поле зрения." В результате Вартазарову избрали в 1988 г. "кандидатом в члены райкома" и через год, в 1989 г. вторым секретарем Октябрьского райкома партии. Затем, когда из райкома первый секретарь Кубрин ушел в коммерческие структуры, она заняла его место. Но уже в 1990 г. она становится секретарем МГК. Так складывалась ее партийная карьера, совершалось по собственному признанию "просто феерическое восхождение", которое было немислимо ранее.

Таким образом, вопрос о трудоустройстве встал перед ней в 1991 году, когда она являлась секретарем МГК. Какое-то время до декабря 1991 г., проработала комиссия по приему дел, она еще получала зарплату как горкомовский работник. В декабре 1991 г. была избрана сопредседателем Социалистической партии трудящихся. В настоящее время председатель этой партии. И, видимо, это только начало ее большой политической карьеры.

Таким образом, можно выделить три основные модели, по которым складывалась судьба бывших первых после 1991 года: модель "префектурная", модель "коммерческая" и модель "политическая".

Обычно изменения социального статуса принято изучать с позиции социальной мобильности. Однако в данном случае анализ с позиций социальной мобильности затруднен. Дело в том, что первые секретари занимали свое положение до путча 1991 года в тех структурах, которые после путча были начисто разрушены. Соизмерения социальных статусов оказывается исключительно сложным. Да и можно ли вообще соизмерять должность первого секретаря советской эпохи с должностью префекта или директора коммерческой фирмы? И если можно, то по каким параметрам? По властным полномочиям? По уровню материального благосостояния? По престижу? По авторитету в обществе?

Допустим, что должности соизмерять можно. Но все же нельзя не учитывать, что практически мы сравниваем социальные позиции тех же людей в принципиально различных обществах — коммунистическом, во главе с КПСС и теперешнем, пост—перестроечном, полу—капиталистическом полу— неизвестно — каком. Кроме того, у нас сейчас престиж не совпадает с авторитетом в обществе, а властные полномочия не обязательно означают богатство. И хотя налицо тенденция измерять положение человека в обществе его деньгами, эта тенденция еще не определяет всего. Поэтому всякое сравнение и соизмерение является не только приблизительным, но и условным, а лучше сказать — образным. Также как в принципе можно сравнить социальную позицию директора академического Института советской эпохи с социальной позицией какого-нибудь средней руки барона в средневековой Европе, а позицию, например, секретаря обкома с позицией хана на Востоке. С этой точки зрения, социальные позиции бывших первых раньше и теперь практически не изменились.

Так или иначе, но нельзя не отметить умение практически всех бывших первых секретарей приспособиться к новой жизни, хорошо адаптироваться к ней и занять неплохую нишу в обществе. Не случайно, напомним, 1991 год по их собственным оценкам не оказал кардинального влияния на их собственную судьбу. В целом изменения социального статуса первых секретарей показывает их "непотопляемость". Как бы мы ни сравнивали их социальный статус раньше и теперь, их позиции в целом эквивалентны. Они как занимали достаточно высокое положение в обществе, так и продолжают его занимать.

Бывшие первые секретари как первой так и второй группы адаптировались к новым условиям жизни иначе, чем представители высших эшелонов партийной элиты. Как правило, они не использовали партийные деньги для организации своего дела. Их путь в новую жизнь был иным. Для бывших первых секретарей в целом было характерно использовать налаженные социальные связи для того, чтобы удержаться на плаву, то есть сохранить определенный уровень жизни и социальный статус. В целом можно сказать, что в отличие от самых верхних эшелонов партноменклатуры, которая "конвертировала" политическую власть и деньги партии в новую собственность и богатство, бывшие первые "конвертировали" свои широкие связи и собственные управленческие навыки.

Их всех опрошенных бывших первых с трудом адаптировались лишь двое — трое. И трудности в адаптации здесь были связаны прежде всего с

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

приверженностью коммунистическим идеалам в их ортодоксальном варианте. Люди не могут принять новой действительности, внутренне отрицают ее, а потому им приходится все время "переступать" себя, чтобы приспособиться к новым условиям. Их мучает ностальгия по прошлому и неумение жить по законам рынка.

8. Трагедия "железной леди" .

Что происходит, если человек всю жизнь самоотверженно служил идее, "делу партии", свято верил и продолжает верить в коммунистические идеалы? Если он и теперь твердо уверен в истинности марксизма—ленинизма и предан заветам Ильича?

Всякое жертвенное служение вызывает чувство уважения. Тем более жертвенное служение, сопряженное с лишениями, отречением от личного счастья и семейных радостей. Но жертвенное служение волевой личности, ослепленной фанатической верой в ложных кумиров, вызывает чувство ужаса, смешанного с состраданием. Для самого человека оно оборачивается глубокой трагедией, ощущением выброшенности за борт истории, которое подсознательно компенсируется сверх—активностью в политике.

Беседа с одним из наших респондентов — Риммой Васильевной Жуковой заставила нас задуматься над тем, как глубоко смогли идеологи марксизма — ленинизма проникнуть в сознание человека, подчинить себе его мышление. Расшифрованный с магнитофонной пленки материал этой беседы иногда напоминает выдержки из книг по марксистко—ленинской философии, учебников по диалектике, передовиц Правды или материалов съездов КПСС. Парадокс заключается в том, что Римма Васильевна была предельно честна, искренна, открыта. Каждое ее слово было проникновенно. За ним стояла сердечная вера в истинность коммунистического учения и убежденность в правоте партии, а также готовность и далее приносить себя в жертву ради "всеобщего блага".

В этом смысле трагедия Р.В.Жуковой — единичный случай трагедии многотысячной армии "Палов Корчагиных", положивших свою жизнь на дело победы коммунизма. В один прекрасный день они обнаружили, новому поколению, которое "выбирает пепси", это оказалось не нужно, что окружающие стремятся избавиться от коммунистического наследия, видят ложь и зло коммунистического режима. Но люди типа Павла Корчагина, закаленные "как сталь", привыкшие к вечной борьбе с кем—то, чем—то или за что—то, в этих условиях не ломаются, но чувствуют себя "одинокими праведниками", обладающими неостребованной истиной. В результате их фанатизм не уменьшается, а увеличивается, а с ним увеличивается пропасть между исповедуемым коммунистическим фантомом и реальностью.

Римма Васильевна Жукова, "железная комиссарша", как называют ее некоторые из бывших первых, представляет собой яркий, хотя и единственный пример особого типа бывших первых, который можно назвать "идейным коммунистическим".

Повествование о своей жизни у нашего респондента неразрывно переплетено с ценностными и нравственными суждениями, которые мы выделим жирным шрифтом, не вырывая из общего контекста. Чтобы рельефнее показать ценностные, политические и идейные ориентации Риммы Васильевны, мы будем время от времени "иллюстрировать" их цитатами из классиков и учебников по марксизму—ленинизму.

Но прежде предлагаем познакомимся с формальными данными биографии нашего респондента. Кто же она, Р.В.Жукова? Год рождения — 1937. Место рождения — Москва. Образование — высшее, техническое. Закончила МАИ. В Институте была группкомсоргом, затем секретарем комитета комсомола, членом бюро факультета и секретарем комитета комсомола Института. Начало трудовой деятельности — 1961, работала в "почтовом ящике", который занимался космической радиосвязью. После того, как "выступила жестко и достаточно критично на пленуме райкома комсомола "была замечена". 1968 — избрана вторым секретарем РК комсомола. В 1973 г. назначена третьим секретарем РК партии, в 1984 г. назначена первым секретарем РК партии. После 1991 г. работает в Министерстве металлургии.

Что говорит Римма Васильевна о своем происхождении и своей семье? Каковы были принципы воспитания и культивировавшиеся в семье ценности?

"Мама и папа — люди у меня очень интересные. Они выходцы из Рязанской области. Самый большой подарок для меня на день рождения был книга. Папа работал в системе министерства внутренних дел, в технических службах. Был очень интересным человеком. Мама всю жизнь работала в системе образования. Была у меня бабушка, которая прожила очень долго. У нее было образование — 3 класса церковно-приходской школы, но это был очень культурный человек, моя Арина Родионовна. У нее была врожденная культура и умение общаться, а так мы прошли все трудности москвичей. Мама родилась в Петрограде до революции, а после они уехали в село и там до 12 лет училась. Потом приехала в Москву. А папа рос с дедушкой и бабушкой, потому что мать его умерла. И все его братья сами пробивали себе дорогу и выросли интересные люди. Мы всегда любили компании и поэтому у нас дома всегда было огромное количество родственников и гостей. К сожалению, бриллиантов мы не нажили, но наши родственники и друзья нам очень благодарны, потому что папа очень хорошо получал и в трудную минуту мы всегда им помогали."

Таким образом, можно сказать, что семья Риммы Васильевны была типичной советской семьей, для которой духовные ценности, дружба, взаимопонимание, взаимопомощь были главными в жизни. Характерно и стремление к культуре и образованию.

Весьма типичным можно считать и дух "коллективизма", который сыграл большую роль в формировании характера Р.В.Жуковой.

"Я была единственным ребенком в семье. Сначала мы жили в подвале, оттуда я начинала свою жизнь. А потом коммунальная квартира. Там мы хорошо жили. Не было шума, скандалов, все помогали друг другу. Когда мы переехали в отдельную квартиру, то стало спокойней на душе, хотя не хватало общения. Я благодарна соседям за то, что они заботились обо мне."

Закончив МАИ и проработав ряд лет в "почтовом ящике", занимавшемся космической радиосвязью, она стала депутатом райсовета, а затем депутатом Моссовета.

Как и многие другие бывшие первые, Римма Васильевна отдала много лет своей жизни работе в комсомоле. В этом отношении ее карьеру можно признать вполне типичной. Комсомол стал стартовой площадкой для будущей партийной карьеры.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

О своем решении перейти на комсомольскую работу в 1968 г. Римма Васильевна вспоминала: "Я очень долго колебалась, потому что работа в институте была интересная и я никогда не готовила себя к общественной работе. Поэтому изменить образ жизни было весьма трудно. Как ни странно, мой руководитель проекта, человек не русской национальности, а еврейской, сказал: "Что вы думаете? У нас же партия правящая, если вам предложили, то вас ждет хорошее будущее. "Мне было просто интересно смогу я или нет. Ну и получилось. Прошла большую интересную школу жизни. И до сих пор поддерживая связь с ядром райкома комсомола."

Как и многие другие бывшие первые, Р.В.Жукова расценивает свой переход на комсомольскую работу как событие, оказавшее определяющее влияние на всю последующую жизнь: " Решающее событие — это избрание секретарем райкома комсомола. Я могла перейти на научную работу, а общественной работой заниматься как хобби. И тут вдруг предлагают жизнь перевернуть, а ты к этому не готов. Есть работа, которая постоянна, а здесь — все не постоянно. С 1968 по 1991 год меня все время избирают, я ведь не чиновник, меня все время избирают. Я всегда держу ответ перед коллективом. И депутатом тоже избирают. Все говорят — партийный аппарат. Но это у чиновников — аппарат, а все партийные руководители — люди избираемые, и они проходят такое горнило, что тут не так все просто. Когда сидишь на партийной конференции, то там сидят представители организаций, люди во многом очень талантливые, и тебе надо, чтобы они поверили. А тот, кто имеет власть, он должен очень осторожно с ней, потому что он отвечает за людей, которые ему эту власть доверили."

С удовольствием вспоминая свое комсомольское прошлое, в определенной степени идеализируя его, Р.В.Жукова говорила: "Не было такого вопроса, который комсомольская организация не могла бы решить. Она пользовалась уважением и почетом. Руководители хозяйственные очень хорошо относились к ней. У нас была очень интересная группа комсомольских вожаков, которые очень продуктивно и интересно работали с молодежью. Я могу один пример привести. Когда было пятидесятилетие комсомола, весь район был взбудоражен, а это 44 тыс. комсомольцев. Мы сделали очень много интересного, например, выпустили 100 сверхплановых машин. И эти 100 машин поехали на Красную площадь, остановились на Манежной площади, возложили цветы к могиле Неизвестного солдата, к Мавзолею Ленина. Это было что—то бесподобное. Такой вот порыв, энтузиазм был интересен, потому что многие советские люди прошли школу комсомола, и когда какой—то праздник широко отмечался, это позволяло широко использовать увеличение эффективности труда при получении соответствующего объема продукции. Я могу много рассказать о воспитании советского патриотизма. А это необходимое качество каждого человека — любит он свою родину или не любит ее. Это и походы боевой славы, курсы, встречи, работа с ветеранами — все это огромная школа жизни."

В этих словах отчетливо прослеживается приверженность к одной из основных идеологием марксизма—ленинизма: "Для советских людей понятия Родины и социализма соединены в одно неразрывное целое. Советский патриотизм — патриотизм нового, высшего типа. Он выражает любовь граждан к новому социалистическому общественному строю". Эта любовь проявляется в полной отдаче сил на повышение производительности труда, так как "производительность труда более высокая, чем при капитализме

самое главное, самое важное для победы коммунизма" (Книга для чтения по марксистской философии. М., 1960, с.580,592).

Более подробно эта идеологема раскрыта в суждениях нашего респондента о коммунистическом отношении к труду и его моральных стимулах. (Напомним, что воспитание коммунистического отношения к труду и общественной собственности полагалась одной из основных задач воспитания нового человека. Ведь коммунизм, как говорил В.И.Ленин, начинается там, где появляется "самоотверженная забота рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа", всего того, что создается трудом советских людей для всего общества. "Коммунистическая партия воспитывает у трудящихся отношение к труду как к первой жизненной потребности, взгляд на общественную собственность как на незыблемую основу существования общества" Цит. по: "Книга для чтения по марксистско-ленинской философии", с.592)

Римма Васильевна, по—своему раскрывая этот тезис, вспоминает: "Это были очень интересные годы. 100—летие со дня рождения В.И.Ленина. Это была большая дата в жизни общественных деятелей и коллективов вообще. Потому что к каждой такой дате общественными формированиями, коллективами создавалась определенная атмосфера, которая позволяла повысить производительность труда. Но и помимо всего и общественная деятельность. Даже эти коммунистические субботники — это возможность побороться со своим личным восприятием — ты не можешь сидеть дома, а идешь в субботу работать.

"Также можно отметить съезды партии и комсомола, хотя есть критическое отношение к выступлениям. Но было тоже особая приподнятая атмосфера и возможность увеличивать производительность труда при помощи эти политических дат. Ведь каждому человеку нужно иметь праздник в жизни. Личный праздник и общественный праздник. В западных странах устраивается огромное количество праздников, причем общественных праздников: карнавальные шествия, даты рождения государства в Америке — все это создает ощущения сопричастности к жизни других — соседей, знакомых из других городов и весей. То есть это система воспитания и она была очень четко отработана...

"Другое дело, нужно было больше демократизма в жизни. Но не оклократию, как это сейчас существует, а умение учитывать интересы разных людей и создавать такую атмосферу, чтобы каждый человек мог чувствовать потребность в себе. На этой Земле. Понимаете, люди не чувствуют потребности в себе, как будто из них был выпущен воздух. Я встречаюсь сейчас с людьми — у них есть какой—то статус в жизни, даже материально они лучше живут. Но сейчас в них нет радости жизни. Той радости, которую мы приобретали и воспитывали. То был ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЙ ТРУД. Мы видели ценность своего труда не в том, то что были секретарями райкома партии, а в том, что возвышали наше общество и рядовых людей.

"Конечно сложно сейчас только однозначно все оценивать. Но смотрите — радио, TV, газеты о человеке как о создателе материальных ценностей вообще не говорит никто. Как будто государство существует не понятно для чего. А если ты не создаешь общественный продукт, то государство—то нищее. Поэтому сфера материального производства всегда считалась в поле внимания правительства и тех общественных формирований и партий, которые хотят процветания государству и нашей Родине. И

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

в этом отношении та жизнь была интересна, потому что у меня огромное количество людей, которых я знаю, которым я помогла в жизни, которые влияют и влияли на мою жизнь и мировоззрение."

Римма Васильевна остается, подобно многим советским людям, и теперь горячим сторонником и "идейным поборником" коллективизма как основы основ человеческого взаимодействия, искренне полагая, что между людьми существуют либо отношения коллективизма, товарищества, взаимной помощи, либо отношения индивидуализма, равнодушия и вражды, взращенные на частной собственности. Третьего — не дано. "Граждане СССР превыше всего ставят интересы коллектива, общества, Советского государства. В основе успехов советского народа лежит организованность советских людей, единство их воли и устремлений, сознательная дисциплина" — учила коммунистическая партия (См.: Книга для чтения..., с.607) И дело такой организации труда лежало на плечах комсомольских и партийных секретарей.

Тема такой организации и коллективизма занимает в материале беседы с Р.В.Жуковой немалое место. "Я считаю, что это школа коллективизма, которая позволяет порождать доброе отношение друг к другу. Потому что замыкание человека в себе, в личной жизни обедняет человека, он не раскрывается. И когда наступает уже такой рубеж жизни, ему мало что есть вспомнить, а те, у кого много друзей — у них более полная жизнь, им есть что вспомнить, есть возможность критически оценить."

Отмечая, что коллективизм был привит с детства: "Мне интересно было помогать людям, организовывать. Это традиции семьи — жить на миру", Р.В.Жукова считала, что коллективизм и "жизнь на миру" воспитывают и большую ответственность человека перед обществом.

"Конечно, это может быть не здорово, и нас правильно критиковали, когда у нас принимали в комсомол сразу несколько тысяч человек. В школа принимали сразу по 20 — 50 человек, а персональный отбор в этом случае ослаблен. Как говорят на Руси: "На миру и смерть красна." Так и принимать при определенном количестве людей — к большему обязывает".

Сейчас же, по ее мнению, когда восторжествовал индивидуализм, "хотят замкнуть мир российского человека в сугубо личные рамки." Это пагубно отразится на его развитии и моральном климате общества.

После пяти лет работы секретарем райкома комсомола, Р.В.Жукова уже в 1973 году была избрана третьим секретарем райкома партии — секретарем по идеологии. Характерно, что это избрание было также вполне традиционно. Как и у ряда других бывших первых, она оказалось связано с "пламенным выступлением". "Я выступила жестко и достаточно критично на пленуме райкома комсомола. Ну и меня заметили".

В 1976 г. она стала вторым секретарем райкома КПСС. Тогда же закончила ВПШ. Но пик ее партийной карьеры был связан, конечно, с избранием на должность первого секретаря райкома. Это произошло в 1984 г.

Как произошло ее назначение на должность первого? В целом можно сказать, что по привычной схеме: вызвали и назначили. "В 1984 году на демонстрации 1 мая, когда наша колонна дошла до Красной площади, мне сказали что после праздника Мишин приглашает меня к себе. Но у меня совсем были другие планы на это время. Мне говорят: "Тебе предлагают быть первым секретарем. Ты к этому стремишься всю жизнь." Я говорю, что уже поздно, это время уже давно прошло. И я понимала прекрасно, что чем

выше, тем труднее. И вот в 1984 году после совета с мужем, он сказал мне, что "ты к этому стремилась всю жизнь и поэтому должна."

Нельзя не отметить, что в отличие от всех других бывших первых, опрошенных нами, Римма Васильевна была единственным человеком, который открыто признавался в том, что быть первым было мечтой и целью жизни. Это связано в первую очередь с тем, что в ее понимании высокая партийная должность означала не столько власть, сколько ответственность. Власть в конечном счете означала служение. Не случайно поэтому, когда Римма Васильевна с сожалением говорила о том, что ее партийная карьера фактически окончилась на позиции первого секретаря, она на более высоких должностях она могла бы сделать большее, "принести больше пользы".

Несмотря на то, что ей удалось сделать блестящую карьеру, стать первым секретарем, Р.В.Жукова считает, что она "не особенно удачна в политической карьере. И я могла бы больше пользы принести и партии и стране. И в силу своего бескомпромиссного характера мне не удалось подняться выше. На конференции, когда Ельцин стал 1 секретарем, меня рассматривали на секретаря горкома партии и члена ЦК, но мое выступление не понравилось Лигачеву. А Горбачев сказал, что он меня не знает и избрал другую. Но для моей семьи это оказалось очень хорошо. А с другой стороны, я могла бы принести больше пользы."

Уверенность в своих силах, в своей способности принести эту пользу, черпалась из глубокого убеждения в том, что преданность делу партии, самоотверженное служение делу коммунизма как бы сами по себе гарантируют успех. Это в чем-то напоминает уверенность некоторых православных в том, что церковный иерарх, даже лишенный особых духовных или интеллектуальных дарований, силой своей веры получает в конечном итоге эти дары и наставляется в своем служении свыше. Впрочем, подобные ассоциации вполне закономерны. Ведь коммунистическая идеология очень многое позаимствовала из христианства, извратив и переиначив христианские истины. Так произошло и с идеей власти как самоотверженного служения.

Была ли жизнь в качестве первого "сладкой" для Риммы Васильевны? Что, если не власть сама по себе, привлекала ее в этой жизни первого секретаря?

Обращает на себя внимание то, что должность первого секретаря потребовала от Р.В.Жуковой полной отдачи всех сил и времени. Из ее слов можно было бы вообще заключить, что первые секретари были своего рода подвижниками и аскетами, вынужденными ради служения общему благу отказывать себе во всем, вплоть до семейного счастья.

"Я очень много работала, это каждый день с полдевятого, а приходила домой около десяти вечера, самое лучшее к началу программы "Время". А так все субботы, а когда пошли ярмарки — и воскресенья. А в районе много заводов, были колоссальное строительство и реконструкция предприятий. А этим надо было заниматься вплотную и у меня тяга была к хозяйственной работе. И я этим занималась. Это была чрезвычайно интересная работа, но она требовала максимальной отдачи сил. Быть первым секретарем райкома партии Москвы — это очень тяжелая работа, во-первых, слишком близко руководство партийное и советское, огромное количество встреч с лидерами коммунистических движений других стран."

"...1984 г. — это был конечно же взлет, но это была огромная работа и колоссальная ответственность, которая легла на мои плечи. Так было до

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

1991 года. В районе побывали почти все члены политбюро. Посещали предприятия, организации. Очень много был В.В.Гришин, Б.Н.Ельцин, Горбачев, Рыжков и другие."

Конечно, работа в качестве первого требовала предельной отдачи, как прочем, вообще партийная работа. В результате уверенности в том, что общественное выше личного, Р.В.Жукова была лишена семейного счастья. По ее собственному признанию: "колоссальное пристрастие к общественной жизни помешало мне создать нормальную семью. У меня нет своих детей, у меня есть дочь мужа. Но это мне никогда не мешало, у меня всегда было много племянников. Хотя когда сейчас подходит старость, я жалею, что у меня не было своих детей. Но, увы, не хватило времени. Мы поздно создали семью с мужем, но ничего. Муж у меня удивительный человек, доктор юридических и философских наук. Он недавно умер и это самое страшное, что я пережила в личной жизни. Муж был колоссальной продуктивности ученый, у него было очень много учеников, после себя он оставил 100.000 человек."

Очень характерно, что рассказывая о "самом интересном" в своей жизни в бытность первым секретарем, Р.В.Жукова все — время была сосредоточена на воспоминаниях о хозяйственных успехах района, о том, как удалось повысить производительность труда, наладить производство того—то и того—то. Собственно человеческие проблемы испарялись. Видимо им было вообще не место в сознании первого секретаря, пекущегося об "общем благе". В высшей степени показательно суждение о том, почему собственно работа была интересной: "Район был очень интересен, потому что у нас на учете стоял подшипниковый завод, шинный завод и завод автоматических линий и министерства, которые тоже помогали нам в обеспечении промышленными материалами нашего промышленного комплекса. У нас был многоплановый разрез народного хозяйства..."

"...У нас был производственный потенциал на 2 млрд. руб. в том исчислении, и поэтому огромное внимание к нам. У нас очень интересная была работа. Мы провели первый в городе план социально — экономического развития района. Мы разработали и внедрили систему работы с населением. И сейчас все это потеряно, и то, что пытаются воссоздать — это лишь маленькая часть того, что было. Мы, для того чтобы решать в первую очередь вопросы социального плана микрорайона, председателям советов района давали для избрания зам.предов исполкома райсовета и секретарей райкома партии, кроме первого. Они могли влиять и по партийной и по советской линии на решение вопросов населения. Там у нас была масса секций. Нужно выяснять интересы населения и выяснять, как дальше развиваться району. Были секции по работе с подростками, по правопорядку. Совет микрорайона сопрягал свою работу с депутатской территориальной группой. Он мог влиять, потому что во главе его стоял депутат, а в секции мы старались сделать так, чтобы депутаты возглавляли эти секции, чтобы можно было объединить усилия этих общественных образований и выбранными депутатами райсовета.

"До 1985 г., в течение нескольких пятилеток у нас существовал план социально — экономического развития района. Он касался развития здравоохранения, правопорядка. Мы хотели, чтобы предприятия знали, что за пятилетку им надо перечислить такое—то количество денег, провести определенный ремонт оборудования медсанчасти и т.д. Эти планы разрабатывались совместно с райсоветом, но при приоритете райкома партии.

Каким—то образом мы подменяли Советы. План утверждался на сессии райсовета. Потом работали соответствующие группы и комиссии депутатов работали над контролем по этим планам. Эта системность давала определенный результат. У нас предприятия очень помогали органам советской власти. И отношение к руководителям со стороны района было очень доброжелательное. Многое удалось сделать, хотя не все, и меня часто упрекали в том, что из меня еще не выветрился комсомольский дух."

Мы уже отмечали, что для Риммы Васильевны работа в качестве первого секретаря означала в первую очередь служение и отречение от собственных интересов. Ее иной, "идейный" менталитет определил и иное, нежели среди более практичных и трезвых "хозяйственников—управленцев" отношение к партийной иерархии и к определению места первых секретарей в структуре общества.

Римма Васильевна осознавала свою принадлежность к первым секретарям райкомов Москвы как принадлежность к элите общества. "Я отношусь к категории бывших партийных руководителей большого уровня". Напомним, что в отличие от Р.В.Жуковой подавляющее большинство бывших первых не считали себя принадлежащими к элите.

Она рассказывала нам, что "по уровню — первые секретари райкомов Москвы приравнивались к первым секретарям обкомов партии. Мы никаких привилегий не имели, правда стояли на учете поликлиники 4 управления. Мы не имели обкомовских привилегий, но реально приравнивались."

Объясняя, почему она считает первых секретарей представителями советской элиты, Римма Васильевна говорила: "Что такое московский горком? Ведь это объем 2 млрд. промышленного производства. Это же вся Прибалтика. На периферии тоже огромный объем работы, потому что разброс колоссальный. Это же большие объемы обеспечения предприятий сырьем и прочее. Мы часто об этом разговаривали с Б.Н.Ельциным, ведь он был секретарем большой промышленной области. Его уважали там. Там система жесткого централизованного руководства сделала очень многое, впрочем как и в Москве".

Таким образом, принадлежность к элите определялась ею шириной хозяйственного размаха, объемом ответственности за экономику страны.

В 1985 году, по ее мнению, эта система управления хозяйством претерпела значительные изменения. Позиции партийных лидеров в качестве хозяйственных управленцев еще более укрепились, а с этим, по ее мнению, укрепились и их элитные позиции.

"Что произошло когда после 1985 года стала перестраиваться система руководства — Советы? Советы отвечали за систему хозяйства, но за предприятия союзного и республиканского значения они не отвечали. Этим занимался райком партии вместе с министерствами. Потом встал естественно такой вопрос о том, чтобы Советы стали заниматься своими вопросами. Что бы они владели ситуацией не только в сфере своего хозяйства, но и в предприятиях союзного значения. Это было сложно." Райкомы продолжали не только помогать им в этом, но фактически брали ответственность на себя.

"...Партийный аппарат Москвы некоторое время держался обособленно от аппарата ЦК. Возможность московских руководителей решать вопросы без участия аппарата ЦК породило такую ситуацию. Потом нас обвиняют в снобизме — партийных работников Москвы. Мы слишком высокомерны по отношению к тем, кто работает в других аппаратах. Хотя

Москва всегда была городом гостеприимным. Кому—то был выгоден этот имидж."

"...Москва вбирает в себя все плюсы и минусы всех регионов страны. Нельзя была обвинять ее в коррумпированности, как это было на XXVIII съезде партии. В течении очень долгого времени никто из секретарей райкомов Москвы не стал министром. Я политический работник. Я не могу сказать, что я пришла на секретаря с поста генерального директора."

Перестройка воспринималась Риммой Васильевной неоднозначно. О годах перестройки она говорила как о времени разрушения. "Была целевая задача — развал того, что было создано за 74 года. Горбачев — страшный демагог. Он не скромный человек — он очень любит деньги, власть".

Она не хотела изменять "принципам". И в результате получила большие неприятности. " Началась травля в прессе. Полторанин очень постарался. На Пленуме говорили, что Жукова не перестроилась, а что значит — перестраиваться? Ведь важен результат. Я не могу этого понять. Меня спрашивали:"Как ты это терпишь?". А я права. У нас если хвалят — то друзей много, а если ругают, то сами понимаете... Но я работала на износ, и в районе меня очень уважали. Я жила полнокровной жизнью и считаю, что я счастливый человек."

Ее судьба после 1991 года оставалась и остается связанной с коммунистической партией.

"После событий 1991 г. я 6 месяцев была секретарем в подполье. Мы смогли качественно сдать весь наш партийный архив, все наши дела. В 1991 году, когда я ходила по улицам, меня останавливали и спрашивали: "Вы Жукова? Мы с вами." Очень большая поддержка и поэтому я могу сделать вывод, что я не зря прожила жизнь. Много было очень недостойно. Многие сотрудникам было еще тяжелее, чем мне, потому что им приходилось предавать не только себя, оно и меня. Что меня больше всего потрясло — колоссальный страх в душах людей. Нельзя обвинять всю партию это нонсенс. После августа 1991 была целая система обработки общественного мнения. Что коммунисты — это партия преступников, надо чтобы была распущена, покаяться, это была стройная система пропагандистской работы. И когда произошел переворот, когда запретили партию, была немая сцена "Ревизора", никто не мог понять в чем дело. Во—первых, неожиданность. Во—вторых, сразу сработал инстинкт самосохранения. И в третьих, огромное предательство высшего эшелона. Наше государство основано на дисциплине, то когда верхушка предала и рассыпалась эта пирамида, то внизу люди оказались просто-напросто обездоленными."

Политика Ельцина по отношению к коммунистической партии воспринимается Риммой Васильевной как предательство.

"Когда произошли печальные события в жизни, произошло историческое предательство, а я именно так расцениваю август 1991 года, когда Б.Н.Ельцин развернул свое мировоззрение на 180 градусов, когда ему было 60 лет, то я не могу поверить ему, я все время себя спрашиваю:"А где же он настоящий?" Может быть он кукла, говорящая чужим языком. Я не думаю, чтобы он мог в течении 40 лет сознательной жизни скрывать под маской другого человека".

Важно отметить, что из всех бывших первых, только одна Р.В.Жукова в силу своей особой "идейности", приверженности делу партии, восприняла 1991 год как поворотный пункт в своей жизни. Продолжая свою партийную работу в рядах КПРФ, она воспринимается многими бывшими

соратниками как консерватор и фанатик. Сама же Римма Васильевна полагает, что это не более чем принципиальность и последовательность, преданность раз и навсегда выбранному курсу жизни.

Что поддерживает ее сейчас? "Самое главное, что сейчас я не оторвана от народа. Многие люди следят за мной. Сейчас я занимаюсь не свойственной для меня работой, мне лучше заниматься политикой. Я сейчас зам. генерального директора ассоциации "Прогресс металлургии". Это создание производств, добывание инвестиций. Я могла бы быть очень богатым человеком. Когда я приехала к своей тете, ее внук спрашивает меня: "А вы лучше сейчас живете, чем при коммунизме?" — "Нет, хуже живу". "А почему?" — "Потому что не могу помогать людям так, как могла раньше. Потом у меня нет сейчас такого политического имиджа, это тоже тяжело осознавать политическому деятелю. Я должна каждый месяц получать миллион, но не могу переступить через себя. Я живу лучше чем многие, но не вхожу 8%, которые могут позволить себе все."

Вместо заключения.

Некоторые замечания по поводу методологии исследования.

"Мы уверены, что личностные сообщения о жизни,— полные, насколько возможно, — представляют лучший тип социологического материала". Эти слова Томаса и Знанецки, впервые применивших так называемый "биографический метод" в 20-е годы в Америке, мы можем считать девизом и нашего небольшого исследования.

Биографический метод, основанный на изучении и сопоставлении биографического материала, в последнее время все шире применяется в социологической науке. Это связано с определенными изменениями как в самом понимании социологии и ее научной парадигмы, так и изменениями в общественном сознании в целом.

Долгое время социология сосредотачивалась на выявлении "социальности" жизни и общественном воспроизводстве больших групп людей. В ее основных понятиях,— класса, слоя, страты, не было место личности. И она растворялась, нивелировалась, исчезала. История жизни отдельно взятого человека не представляла никакого интереса. Да и не могла представлять в силу своей единичности, не поддающейся статистической обработке и строгой формализации. Вместе с тем, с течением времени становилось очевидным, что массовые социологические опросы дают поверхностный и зачастую искаженный результат. Потребовались иные методы изучения поведения и сознания. И в последние десятилетия, когда все сильнее развивается тенденция "гуманизации" жизни, когда растет интерес не к "классу" вообще, не к "слою" или "страте" в целом, но к конкретному человеку, его конкретной жизни, его судьбе, страданиям, переживаниям, биографический метод стал набирать силу. В определенной мере это связано с тем, что социальные, национальные, государственно — политические барьеры, идеологические, религиозные перегородки, перекрываются общечеловеческим чувством и признанием общих человеческих ценностей. Эти ценности, без которых невозможно само существование цивилизации, ставятся во главу угла. И тогда естественным образом в центре внимания оказывается субъективный опыт, жизненный путь конкретного человека.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Через осмысление единичного открывается понимание общего, приходит более глубокое и "гуманистическое" осознание жизненных проблем того или иного социального слоя, страты, группы.

При этом, как это было убедительно показано многими исследователями, — М. Коли, Д.Берто, У.Бек, Г.Роберт и другими, — сосредоточенность на биографии одного человека, его субъективной интерпретации реальности, его взглядах на собственную жизнь вовсе не разрушает социологической перспективы. Ведь, как отмечает Г.Роберт "речь идет не о росте межинди — видуальных различий, а о растущем социальном значении индивидуальности", о том, как через призму субъективного опыта просматривается общее, свойственное определенному классу, слою, группе. (См. G.Robert. Altag, Biographie, Institution.// R.Gildemeister, J.Mathes, G.Robert. Kommunikatives Handeln. Fernuniversitat, 1983.)

Для нас такой группой были бывшие первые секретари райкомов г.Москвы, представлявшие в свое время определенную группу партийно — советской номенклатуры, которую можно признать субэлитной. Именно через их биографии, их субъективную интерпретацию своей жизни и карьеры, через их социальные и политические ориентации, отношение к важнейшим моментам в истории страны последнего десятилетия, просматривается и своеобразная внутренняя динамика жизни бывших первых, скрытая логика их Life stories, и "встроенность" в социум всей этой группы.

Важно отметить, что основные методологические требования, которые были обозначены М.Коли как необходимые и достаточные для биографического метода, были соблюдены. Полустандартизованное фокусированное интервью с бывшими первыми включало в себя и взгляд на жизнь респондента в целом, и учитывало взаимосвязь индивидуальной истории жизни с историей всего общества, и давало все основания для осмысления субъективных позиций респондентов их прошлого и настоящего, их установок, мотиваций и ценностных ориентаций.

Соблюдение этих требований дает возможность рассматривать жизненную историю бывших первых как социальный феномен. Это история определенной советской субэлитной группы и ее адаптация к новым условиям, "встраивание" социального типа, призванного жить в советской "среде обитания" в иную социальную и политическую реальность, в иную "среду обитания".

К какому варианту биографических исследований наиболее близко наше исследование? Воспользуемся классификацией Х.Буде, который выделил четыре основных типа биографических исследований — исследование профессиональных биографий (Деппе); реконструкция социального опыта и его смысловых структур (Д.Берто, Леман, Нитхаммер); реконструкция личного опыта индивида и господствующих смысловых структур (ф.Шютце); эмпирические исследования биографий в психологии развития, теории личности и психопатологии (Ш.Бюлер, Томас, Бисвангер). Видимо, наше исследование будет наиболее близко к первому типу — исследованию профессиональных биографий. Правда, в данном случае профессия "первого секретаря" несет в себе значительно большую смысловую нагрузку, нежели, например, профессия пекаря или тракториста. Да и само понятие "профессия" здесь используется достаточно условно, сближаясь с "социально — профессиональной позицией".

С другой стороны, исследование бывших первых как определенной социальной, а точнее социально — политической, определенным образом

идеологизированной группы, дает большие возможности для выявления "когнитивных фигур" (Ф.Шютце), тех узлов, "судьбоносных моментов", которые присущи именно этой социальной группе, этому социальному типу. В нашем исследовании, как мы надеемся, такие "узлы" ясно прослеживаются в моменте вхождения человека в партийную "колею" и в принятых в этой колее "пунктах роста". Сопоставление "рисунков" этих узлов дало нам возможность выделить три основных типа карьеры, понять общие закономерности развития личности в партийной колее.

Подобно другим исследователям, пользующимся биографическим методом, мы не рассматривали свою группу респондентов как выборку и не отождествляли часто повторяющееся в данной группе с репрезентативным. Поэтому основные типы бывших первых не определялись количественно. Так, например, Р.В.Жукова, представляя собой единичный случай, тем не менее, может быть отнесена к определенному типу, причем типу "чистому", в котором наиболее ярко проявились характерные для типа черты. Ведь, как отмечал В.Фукс-Хайнритц, важно не то, насколько часто возникает вариант или тип,— "единственный, но особенно контурированный случай может быть типом",— а какие типы имеются, как они выглядят отдельно и в контрасте друг с другом, как они образуют через этот контраст поле напряжения, типологию, репертуар. Именно в контексте всех возможных вариантов и можно проследить "социокультурный набор" того или иного процесса.